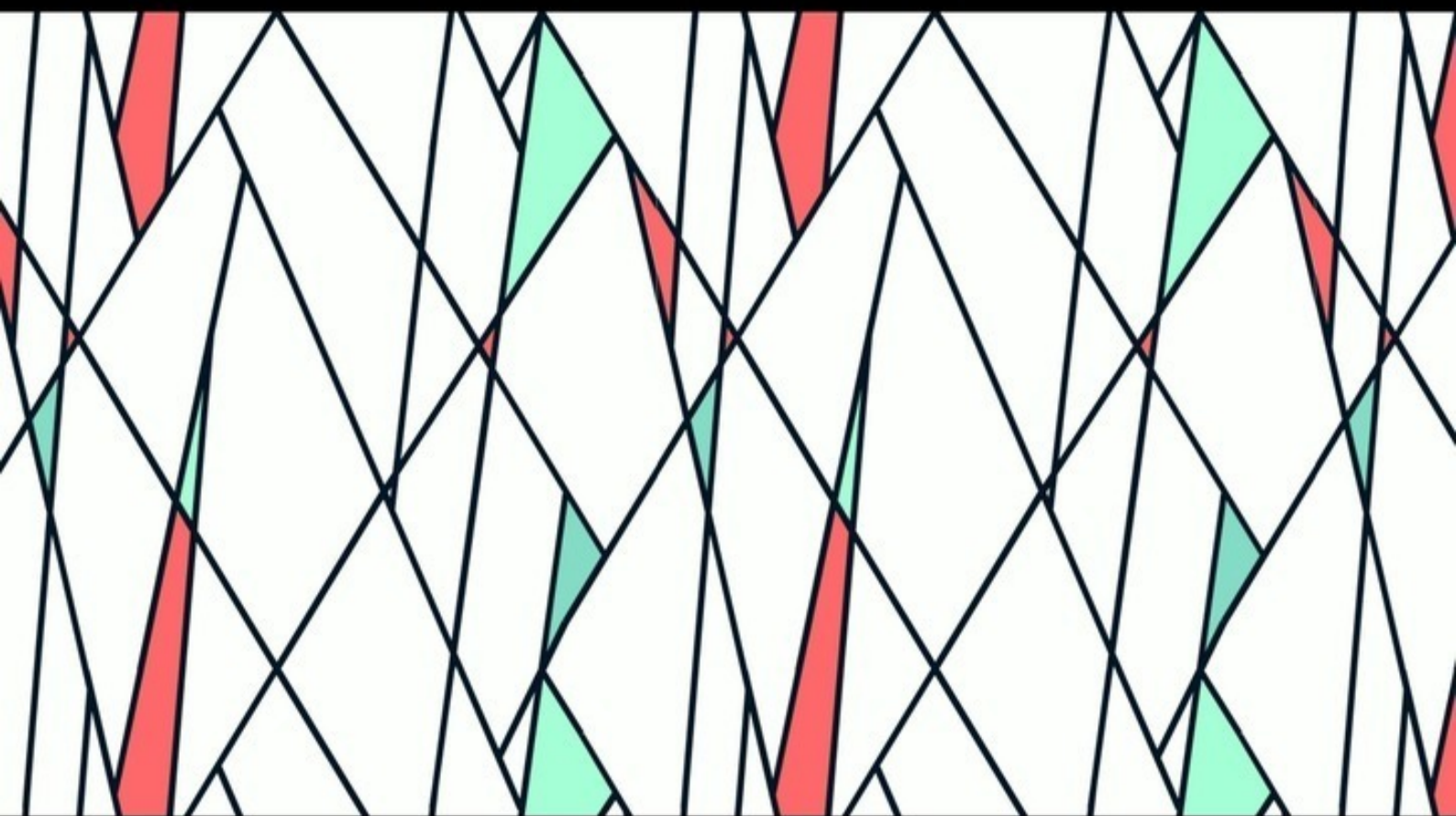

Борис Ковальский

НАБЛЮДАТЕЛЬ

Борис Ковальский

Наблюдатель

«Издательские решения»

Ковальский Б.

Наблюдатель / Б. Ковальский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-851820-1

Поиски пропавшей жены открывают перед Виктором Афанасьевым дорогу в мир, сокрытый от большинства жителей большого города. Мир, полный тайн и смертельных опасностей. Хватит ли мужества пройти этот путь до конца и устоять перед страшной разгадкой?

ISBN 978-5-44-851820-1

© Ковальский Б.
© Издательские решения

Наблюдатель

Борис Ковальский

© Борис Ковальский, 2017

ISBN 978-5-4485-1820-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

– Что ты сказал?

В полумраке салона не сразу удалось разглядеть грубоватое лицо. Раньше, когда он просыпался вот так и смотрел на нее украдкой, на дне его холодного взгляда можно было уловить что-то ласковое и нежное, прежде чем опускалось забрало, за которым интроверты привыкли скрывать свои чувства.

Но не сейчас.

Сейчас взгляд был слишком мутным, чтобы разглядеть, что там на дне.

– Приехали.

– Тебе приснилось?

– Нет.

– Значит, ты шутишь, – она прижалась к его плечу, чувствуя, как дыхание рядом становится медленным и глубоким, – как ты можешь здесь спать?

– Идем, – он принялся шарить рукой в поисках сумки.

– Так ты серьезно?

Она глянула в маслянистый мрак за окном и обернулась с выражением, которое ясно давало понять, что шуток она терпеть не намерена, но он уже стоял в проходе с закрытыми глазами, слегка раскачиваясь, словно продолжал спать.

Ладонь его протянутой руки сжималась и разжималась, торопя ее.

– Но ведь там ничего не видно! – засмеялась она, звонко хлопнув его по ладони.

– Тише! Людей разбудишь...

Он повел ее мимо спящих, похожих на трупы пассажиров, сквозь храп, душливые запахи и трескучие звуки дешевых наушников. За водительским стеклом желтела знакомая стена.

– Ну, скажи – как ты узнал?

– Отстань, – влилось в ухо вместе с жарким дыханием. Он быстро поцеловал ее и увлек в снежную ночь.

Шедший вторые сутки снегопад сковал не только Москву, но и все дороги в радиусе пятидесяти километров за МКАД. Она вспомнила, как испугалась, впервые увидев десятибалльные пробки на экране смартфона. Но в ту минуту надежда была еще жива. Жив был пропитанный мраком день, и в запасе оставалось целых шесть часов на преодоление того, что даже в худшие времена занимало пару часов.

Теперь, когда все надежды остались позади, девушка смотрела на охваченный огнями караван, хвост которого пропадал за подъемом и, вспомнив, что он тянется из самого центра Москвы, ощутила приступ тошноты.

Ветер порывами дул со стороны поля, принося из мрака огромные снежные вихри, походившие на великанов, медленно плывущих через шоссе. Девушка повернула голову ему навстречу, и от снега защекотало в носу. Она чихнула, вытянув руку в сторону дороги.

– Смотри!

Он обернулся и увидел две полицейские машины, стоявшие друг за другом. Занесенные снегом, темные, очевидно, они простояли тут не один час. В низине, у заброшенного сарая, в такой же безжизненный сугроб превращалась машина скорой помощи. Взгляд пробежался вдоль обочины и уперся в еще одну причину пробки.

– Кошмар! – сквозь варежку ее голос прозвучал искаженно. – После такого ведь никто не выжил?

– Вряд ли. Похоже на лобовое столкновение.

Он смотрел на нижнюю часть и багажник – больше от машины ничего не осталось. Порог под водительской дверью был залит темными подтеками и измазан чем-то густым, похожим на солидол.

– Интересно, где они все?

– Кто?

– Ну, врачи, полиция...

В месте аварии пробка ссужалась. Водитель «Ленд Крузера», без успеха пытавшегося обогнуть ее по обочине, высунувшись из окна, грозил кому-то хоккейной клюшкой. Его квадратная челюсть поднималась и опускалась, как грузовая платформа.

– Идем?

Вместо ответа она схватила его за рукав.

– Витя! Сколько?

Он взглянул на часы.

– Без пятнадцати...

Она подняла указательный палец и замерла, многозначительно глядя в его лицо.

– Я успею.

Он вспомнил, и легкий холодок скользнул в район живота.

– Конечно, успеешь. Идем!

Но она покачала головой.

– Что?

– Не притворяйся!

– Аня...

– Ты же знаешь, он работает до полуночи, – перебила она, – господи, не веди себя глупо!

Он вспомнил забор на Новинском бульваре и голос с едва уловимым акцентом – анкеты должны быть отправлены до тридцать первого декабря. Им шли навстречу. Нельзя не ценить это. И все, в общем-то, было нормально – до сегодняшнего утра, когда обнаружилось, что он взял не ту «флешку». Конечно, она была в ярости, и он чувствовал себя виноватым, но...

– Хорошо. Ты успеешь, – услышал он собственный голос.

Она улыбнулась и провела ладонью по его груди. Он подумал – и в самом деле глупо. Смешно и глупо он выглядит в своей навязчивой манере всегда и везде видеть опасность. Ведь, в конце концов, все это по его вине.

Перед поворотом она остановилась. Оглянулась, помахала рукой. Густой подмосковный мрак очертил невысокий силуэт, и нежная кожа как-то неестественно ярко отразила бледный свет фонаря, словно она попала в перекрестье лучей театральных прожекторов. Ответный взгляд, как всегда – мягкий и веселый одновременно, аккуратный подбородок приподнят, и ямочки на щеках свидетельствуют о едва сдерживаемой улыбке.

Он смотрел на нее, пытаясь подобрать нужное решение, но в голову ничего не шло. «Не глупи», – сказал он себе и растянул сжатые губы.

Она улыбнулась в ответ и шагнула в темноту.

Охранник сидел без движения, словно манекен в магазине одежды. На восковом лице двигались только стеклянные глаза, флегматично следившие за фигурой, перемещавшейся по экрану.

Фигура миновала алкогольный, затем мясной отдел и появилась у второй кассы в конце магазина. Девушка, лет семнадцати, подняла светло-серый взгляд.

– Привет.

– Привет, Алиса. Пройдет?

– Только одна?

Виктор поднял вторую руку.

– Завтра же Новый Год, – одобрила девушка, – а мы работаем до двух сегодня.

– До двух?

– Не видел объявления?

– Видел, но... черт, я забыл.

Он поставил бутылки на ленту.

– После Нового года будем работать круглосуточно. Петр говорит, ремонт шоссе приведет к нам новых покупателей.

Виктор оглянулся на безлюдное помещение, вызвав у Алисы улыбку.

– Кстати, что там случилось? – кивнул он в сторону окна, украшенного гирляндой.

– Ты про аварию? Ужас! – округлила глаза Алиса.

Виктор достал из бумажника пластиковую «Мастеркард», исподлобья посмотрел на Алису и убрал карту обратно.

– Лобовое столкновение?

– Я сначала подумала, там арбуз кто-то разбил, – Алиса набрала в легкие воздуха и покачала головой. – А потом поняла – откуда зимой арбузы... Зря я туда ходила. Жалею теперь.

Виктор нахмурил брови.

– Странно, я видел только одну машину.

Алиса по-девичьи посмотрела ему прямо в глаза.

– Там была не совсем машина.

– В смысле? – спросил он, протягивая тысячерублевую купюру.

– Ну, в смысле не легковая, – Алиса взяла деньги, отсчитала сдачу, – знаешь сарай, как у дяди Андрея, с большой буквой «вэ» на решетке?

– Дабл Ю?

– Наверное. Он в яме, возле складов, – девушка приложила маленькую ладонь к основанию шеи. – Представляешь сколько там?

Виктор посмотрел в окно.

– Метров тридцать?

– Если не больше. Мы подумали, что взорвалась цистерна на Фабрике, но потом этот треск, визг, и...

Алиса замолчала, застывший взгляд ее больших глаз устремился сквозь окно на дорогу. Тонкие пальцы перебирали цепочку с крестиком.

Виктор хотел еще спросить что-то, но раздался звон колокольчика – в магазин вошел полицейский огромного роста. Фиолетовый бушлат и шапка его были усыпаны снегом. Виктор подхватил пакет и направился к выходу.

Проходя мимо полицейского, краем глаза он уловил, как тот, будто оступившись, стал заваливаться назад. Угол крена показался Виктору чересчур значительным, и он выставил руку, уперев кулак прямо в букву «П» термотрансфертной надписи «ДПС» на широкой спине.

Полицейский обернулся. В его лошадином лице отразилось искреннее, почти детское удивление. Он протянул неуклюжую руку, будто захотел дотронуться, но Виктор шагнул назад,

и неловкая рука, упакованная в толстый рукав с двумя светоотражающими полосами, задела стенд со жвачками, с грохотом его опрокинув.

Виктор заметил, что никто в магазине – ни охранник, ни девушки-кассирши – никак не отреагировали на это. Они сидели неподвижно, словно восковые фигуры, не обращая внимания на шуршание обертки и треск карамели под тяжелыми полицейскими ботинками. Этот шум в абсолютной тишине резал слух, словно ржавые ножницы бумагу.

Виктор пожал плечами и вышел на улицу.

Звон в голове – порождение тишины. Такой вывод он сделал, когда свернул за угол магазина и обнаружил, что ни один фонарь вдоль дороги не работал.

Свет, исходивший от окон ветхих одноэтажек, отражался от белого полотна, в которое снегопад превратил дорогу. По краю тянулась цепочка ее следов. Поначалу Виктор старался ступать по ним, но мелкий пылеобразный снег стремительно заметал все вокруг и у детской площадки, от следов уже ничего не осталось.

Он шел вдоль длинного двухэтажного барака, морщась от снега и поглядывая на черные окна. Лишь в двух из них чернота смешивалась с синим мерцанием телевизоров. Пенсионеры рано ложатся. Кажется, это дом бывших рабочих. Где-то здесь, неподалеку, была фабрика. Он часто слышал о ней и встречал упоминания – в обрывках разговоров, названиях переулков, остановок, надписях и указателях на заборах, но не знал и по большому счету не хотел знать, что она производит. Местные называли ее просто – Фабрика.

За два года жизни в деревне он так и не смог привыкнуть к чистым звукам природы, зимой чаще сводившимся к тишине, изредка прерываемой собачьим лаем и ревом моторов со стороны шоссе. Ей нравилась тишина, ему поначалу тоже. По крайней мере, он думал, что нравилась. Он говорил, тишина настраивает его на мистический лад. Иногда, возвращаясь, домой поздно, вот как сейчас, например, – сквозь снегопад и атмосферу фантастического безлюдья – он думал о том, как много в России мест, куда не ступала нога человека и где по этой причине может твориться все что угодно.

Виктор пересек автостоянку, миновал освещенную площадку у подъезда пятиэтажки, подошел к краю футбольного поля, и поднял взгляд. Он всегда это делал – и зимой и летом. Просто чтобы оценить расстояние и еще раз взглянуть на свой новый дом со стороны.

Он даже не сразу понял, в чем дело. Смахнув с лица снег, Виктор прищурился на черные окна квартиры, ощущая, как вместе с нарастающими ударами сердца вокруг позвоночного столба концентрируется какой-то лютый острейший холод. Дыхание споткнулось, будто от удара под дых.

Через секунду, не обращая внимания на снег, коловший лицо, попадавший за воротник и лезший в ботинки, он с трудом преодолевал заснеженное поле. Сквозь густую белесую изморось впереди, над входом, словно ориентир, прыгал тусклый фонарь. Сильно чесался нос, но он не замечал этого – в удивительной тишине до слуха доносилось только сбитое дыхание и монотонный звон. Где-то на задворках сознания блуждала слабая мысль о безумии, о том, как глупо он будет выглядеть, когда начнет объяснять испуганной жене, что с ним случилось. Но эта мысль таяла с каждым мгновением, и причиной тому был не просто выключенный на кухне свет, хотя он знал, что ноутбук жены всегда находился там. В конце концов, она могла просто перенести его в комнату.

Ворвавшись в подъезд, одним прыжком он преодолел пять ступенек и дернул за ручку первую дверь. Заперта. Он не стал звонить или стучать – что-то подсказывало, что не стоило этого делать. Связка ключей выпала из трясущихся рук. Виктор поднял ее, с трудом выбрал самый длинный, вставил в замок, сделал два оборота. Щелчок. Дверь беззвучно ушла в темноту.

В груди что-то оборвалось и, перекрыв на секунду дыхание, рухнуло вниз.

Ведомый стремительно тающей надеждой, что вот-вот найдется один ответ на все вопросы, он вошел в квартиру и включил свет.

Пять секунд понадобилось, чтобы обойти крохотную квартиру, оставив повсюду кучи снега, который скоро превратится в грязь. Заглянул на кухню и ванную. Пусто. Ее здесь не было с самого утра. Наспех убранный кровать. На ней – расческа, брошенная утром второпях. На столе – забытая «флешка».

Скрутившая внутренности паника уже тянула свои холодные щупальца к голове, но он устоял, пока были силы. Доставая телефон, Виктор ощущал, как звон в ушах становится почти нестерпимым.

«Аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети».

Через два часа его накроет первый приступ. Через три – начнет выворачивать наизнанку.

«Аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети».

На следующую ночь, под звуки фейерверков и пьяных криков под окнами, звон, наконец, утихнет, уступив место пульсирующей боли.

«Аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети».

Эта боль не оставит его никогда.

Эпизод 1

Суббота, 13 августа

Перед тем как отправиться в душ, он решил еще раз взглянуть на свой старый «Фольксваген». По правде говоря, времени на это не было, но мысли о будущем старой машины не отпускали. Минута расставания приближалась, воображение рисовало спущенные шины, охваченный коррозией кузов, медленно и неумолимо разрушаемый дождем и снегом.

Он ощутил легкий укол совести. Сядет ли теперь за руль его старого друга тот, в ком загорается светлое чувство, когда из-под капота раздается бодрое урчание, а в лицо дует ветер дальних странствий? Хотелось бы верить. Но он понимал – если кто и сядет теперь, то лишь для того, чтобы взломать приборную панель и снять отпечатки пальцев. «К черту кусок хлама», – сказал бы брат и оказался прав, как всегда, особенно теперь, когда он мог купить десяток новых фольксвагенов. И все же, доставая из холодильника пакет сока, он почувствовал, как глаза наполняются слезами.

Небесная трапеция, вырезанная контуром пэ-образного здания, утопающий в зелени двор – сколько раз он смотрел на все это хмельным взором из-за грязного, годами не мытого стекла, не испытывая ничего, кроме отвращения. Но сегодня все иначе. Сегодня все подернуто какой-то странной щемящей тоской. Последний раз подобное чувство он испытывал пять лет назад, когда хоронили Марту. Он знал, что рано или поздно будет скучать по этому постылому виду. По сломанным качелям, лужам и ясеням, чьи кроны, несмотря на серую призму стекла, кажутся яркими и густыми, словно за окном тропический лес, а не заурядный московский двор. Все дело в жаре – от нее мутируют и растения, и мозг. И в усталости, конечно. Прощай, старина! Он опустил взгляд, и серые глаза вмиг почернели.

Микроавтобус с огромными буквами «ДПС» на капоте произвел эффект взорвавшихся ракет, достигших цели через зрительные каналы. Пакет выскользнул из рук, заливая густой мас-сой шею и футболку. Сделав несколько шагов назад, он замер – в позвончик уперлась шляпка гвоздя, и стоял бы так, в одуряющем ступоре и дальше, если бы не прокуренный голос, разломивший надвое сегодняшнее утро.

Заставив себя вернуться к окну, он остановился в метре и вытянул шею. За облупившейся рамой показалась крыша микроавтобуса, вызвав мгновенный спазм в кишечнике. Рядом, перекрыв проезд, маячил полицейский «Форд Мондео». Чувствуя, как легкие покидает воздух, он обвел круглыми глазами двор. Возле мусорных контейнеров, за кустами, мелькнули узнавае-

мые синие полосы. Патрульная «девятка» караулила выезд. Итог – три машины. И это только в зоне видимости.

Двое полицейских, склонившихся над его «Фольксвагеном», отсекая ладонями солнечный свет, с несвойственной московским «дэпээсникам» энергичностью пытались разглядеть то, чего там уже явно не было.

Третий, чуть поодаль, слушал человека с птичьим лицом, в котором он узнал соседа с четвертого этажа. Птичье лицо было устремлено прямо на него.

Отделенный семью этажами и занавеской, он ощутил, как волна жара прокатилась снизу вверх.

«Они не могут видеть тебя, и мелколицый не знает точно, на каком этаже ты живешь».

Все верно. Прокуренный голос – последняя надежда его рассудка.

Не зря в птичьем лице сквозит неуверенность, а в близко посаженных глазах – злая растерянность. И хотя палец соседа устремлен прямо в окно, за которым, согнувшись, стоит его худая фигура, он знал: в эту секунду прокуренный голос прав, и будто в подтверждение, палец переместился на соседнее окно, перенацеливая туда и внимание полицейского.

Повернувшись, он поскользнулся и упал в лужу. В нос ударил сладковатый запах пищевых добавок. Ему словно что-то мешало. Ступор. «Это похоже на сон», – подумал он, разглядывая банку из-под чипсов «Принглс», лежавшую в пыли под столом. Сон, в котором стремление убежать ни к чему не приводит. С улицы через открытую форточку влетели голоса и собачий лай. Он вскочил, преодолевая боль в колене. Встревоженный взгляд уперся в дверь, и неожиданное воспоминание вызвало тремор лицевых мышц.

Ему было одиннадцать, когда он впервые забрался в чужую квартиру. Брат был рядом, если можно так сказать, – всего в паре метров, отделенный плитой перекрытия, приложил ухо к бетону и делал вид, что слушает. Он был уже слишком крупным, чтобы лазать в окна, и потому лишь руководил «операцией», потратив перед тем два часа, доказывая, что в квартире никого нет. Он мог ничего не говорить, ведь он всегда ему верил. Даже когда тот ошибался.

Нервный тик с тех пор часто навещал его, как память о том, что самое страшное – это не встреча с пьяным хозяином. И даже не сломанная рука. Стойкое ощущение дежавю оживило картины ушедших дней, вернув позабытый кошмар со всеми его атрибутами: болезненным состоянием сна, стальным привкусом, запахом пота и еще каким-то, сладковатым. Кажется, маракуйи.

«Не стоило стоять, как болван».

За злыми словами, брошенными братом в тот день, несомненно, прятались чувство вины и жалость, но разумный их смысл никто не отменял.

Очнувшись, он прошел в комнату, схватил сумку, сунул мобильник в карман, пересек коридор, распахнул дверь в ванную, упал на колени и, засунув руку за унитаз, извлек ржавый лом-гвоздодер.

Когда он вернулся к двери, дыхание его было ровным. Набрав в грудь воздуха, он толкнул дверь, без страха готовый встретиться с первой проблемой лицом к лицу, но его приветствовала лишь сонная безмятежность утренней лестничной клетки и пение птиц, что было не так уж плохо для начала.

Поднявшись на последний этаж, он вызвал лифт, забрался на сварную вертикальную лестницу, ведущую на чердак, и сунул расплющенный конец гвоздодера под скобу. Скоба на удивление легко поддалась. Крошка и мелкие камешки посыпались на голову, запрыгали по лестнице звонкой дробью.

«Новый замок, старые петли», – заметил он и ощутил внезапное чувство благодарности. Когда-нибудь, в спокойной обстановке, он с удовольствием выпил бы со слесарем, чье старое доброе умение плевать на свои обязанности однажды, быть может, спасло ему жизнь. В голове возник образ пьяненького мужичка лет пятидесяти – худого, низкорослого, говорливого. Он

похлопывал бы его по плечу, подливая коньяк. Впрочем, о спасении пока думать рано. Крышка опрокинулась, погрузив его в облако пыли, и в ту же секунду снизу поднялся гул трезвых мужских голосов, заставив его содрогнуться.

Несмотря на раннее утро, крыша оказалась раскаленным плато, воздух застыл, пространство вокруг – будто накрыто стеклянной банкой. Он оглянулся: кругом – симметричные крыши типовых многоэтажек, и только на севере – уходящее вдаль море густой зелени – Бутовский лесопарк.

Подбегая к пожарной лестнице, он уже понимал, что сумбурно рожденный план не работает. Кривые, убегающие вниз ржавые стрелы, шатались и внушали ужас своим лязганьем. Спрыгнув с парапета, он побежал к тамбуру первого подъезда, на ходу отряхивая вспотевшие ладони.

С крышкой люка над первым подъездом сразу возникли проблемы – на этот раз петли оказались новыми, и слесарь представлялся уже другим – моложавым, хмурым и несговорчивым. Спустя пять минут высохшие на солнце доски насквозь промокли от его пота, но результатом усилий оказалась лишь одна вывороченная петля. Напрягая мускулы, он отогнул пластину и просунул в образовавшуюся щель голову. Взгляду предстали двери квартир и часть лестницы в перевернутом виде. Он протиснул в щель сумку и, игнорируя треск рвущейся футболки, полез следом.

Спустившись на второй этаж, выглянул в окно. Вид небольшой площадки, окруженной плотными зарослями кустарника, внушал смутную надежду. Наверное, что-то подобное испытывает беглец из лагеря смерти, когда выстрелы пулеметов стихают, а впереди маячит спасительный хвойный лес. Никаких полицейских или подозрительных соседей, если не считать двух старух у подъезда... Кое-как отряхнув джинсы, он спустился на первый этаж, стукнул кулаком в дверь и шагнул в жаркое московское утро.

Старухи у подъезда сразу прекратили разговор. Он глядел под ноги, чувствуя, как любопытные взгляды ощупывают его. Запоминают детали. Особенно – контраст между бледной и загорелой кожей в тех местах, где раньше были рукава. Он понимал, что привлечет больше внимания, но все же поддался инстинкту и, прижав подбородок к груди, ускорил шаг. Разбитая машина и полицейские, возле нее – где-то здесь, в полусотне метров. Возможно, их смех за кустами он сейчас слышит.

Как быстро старухи сопоставят скопление полицейских со странным мужчиной в рваной футболке? Как быстро пройдут эти пятьдесят метров и какова скорость реакции самого сообразительного из них? Слишком много вопросов. Чересчур много для простого действия. Оказавшись на улице, он ощутил внезапный дискомфорт, словно голым вышел на сцену. Иглы страха покалывали плоть, но если они вонзятся хотя бы на четверть – он пропал. Только не сейчас. Только не этот проклятый ступор!

Одна из фигур отделилась и направилась туда, откуда доносился заразительный мужской смех. Он спрыгнул на отмостку и побежал. Хриплый прокуренный голос что-то кричал, но он не мог разобрать что именно.

Эпизод 2

Рослый мужчина за рулем «Форд Эксплорер», втянул смешанный с раскаленным воздухом запах гари и нажал кнопку. Стекло с мягким жужжанием поднялось, неутомимый голос радиоведущего заполнил салон:

– ... блокирующий антициклон, пришедший с севера африканского побережья, стал причиной аномального зноя, охватившего...

– Интересно, если у них такой север, то какой юг? – Приблизив крупное лицо к стеклу, мужчина вглядывался в густые кроны тополей.

Жара всегда напоминала ему о затерянной в заснеженных сопках избушке, на крыльцо которой много лет подряд он выходил с лыжами на плече и винтовкой за спиной. Вид сливающейся с еловым лесом долины завораживал, и он замирал на несколько секунд, не обращая внимания на январский мороз, колотивший лицо и руки. Лето в тех краях почти всегда – влажное, седое, дождливое. Краснодарец назвал бы такое лето холодным, москвич или петербуржец – мерзким. Впрочем, он не любил и такое. Будь его воля, он забрался бы севернее, за полярный круг, куда-нибудь в район Шпицбергена. Будь его воля, он бы строил там города.

– Шестнадцать... восемнадцать... Черт побери, где двадцатый?

– Поверните направо, – среагировал навигатор, и за кустами, тотчас показалась узкая арка.

Ослепительный «Форд Эксплорер» исчез в ней и, вынырнув в просторном зеленом дворике, не спеша поплыл по периметру. Внимание мужчины переключилось на редких прохожих. Он останавливал взгляд на их лицах, отводя каждому одинаковое количество секунд. Вскоре машина уперлась в серебристую «девятку».

Сотрудник патрульно-постовой службы по фамилии Ястребов, сидевший за рулем служебного «ВАЗ 2109» поднял взгляд и через зеркало заднего вида посмотрел на водителя «Эксплорера». Губы его зашевелились, начиная беззвучный отчет, и когда счет перевалил за шесть, он вскинул брови и торопливо открыл дверцу.

Водитель «Форда» к этому времени уже успел выбраться из машины и теперь выуживал из кармана джинсов заливавшийся трелью «Блэкберри».

– Я на месте, – услышал полицейский, и странное необъяснимое волнение зародилось в его душе. Ястребов мог поспорить, что слышал этот голос раньше и при не очень приятных обстоятельствах. В следующую секунду ему показалось, что и сам мужчина был ему знаком. Полицейский прищурился и внимательно посмотрел на него. Перед ним стоял кардинал Ришелье из советского фильма «Три мушкетера». Кардинал Ришелье без бороды и усов.

«Ришелье», в свою очередь, не обращал внимания на полицейского. Его взгляд изучал фасад вытянутой многоэтажки. Зацепившись за ряд окон над козырьком, он пробежался вниз и уперся в рыжего кота, сидевшего у подъезда. Кот в ответ посмотрел недоверчиво.

– Двести тридцать четыре, – сказал мужчина в телефон и повернулся к распахнутой двери.

– Одну минуту! – крикнул Ястребов.

«Ришелье» обернулся. Из-под сильно выступающих надбровных дуг на Ястребова смотрели глубоко посаженные светло-серые глаза, и, прежде чем произнести дежурную фразу, полицейский успел подумать, что для раннего субботнего утра взгляд этот был слишком ясным.

Макаров сидел на краю продавленного дивана, перебирая пачку пожелтевших листов. Осторожные движения выдавали овладевшее им чувство брезгливости. И хотя подобное чувство было не вполне привычным для его натуры, оно возникало всегда, когда приходилось иметь дело с преступниками или их вещами.

К преступникам Макаров относил не только осужденных и подозреваемых, но и тех, кто ему просто не нравился. Про себя он их называл говнюками и после любых контактов спешил к ближайшему умывальнику. При этом, в остальных аспектах своей жизни Макаров особой чистоплотностью не отличался – его ботинки почти всегда покрывал слой пыли, а карточку взысканий переполняли замечания за неопрятный внешний вид.

Перед тем как отбросить очередной листок, оказавшейся платежкой за вывоз строительного мусора, он поднес его к глазам, удерживая кончиками пальцев, но ничего не смог прочесть – слипались глаза. Дежурство закончилось три часа назад, но работа, как это часто бывает, продолжалась.

Макаров бросил взгляд на майора Сейранова – человека с едва уловимым восточным типом лица и массивным рельефным торсом под белоснежной рубашкой, ходившего из угла в угол в соседней комнате. Пренебрежительный взгляд темно-карих глаз изредка сканировал пространство за спиной Макарова, и, несмотря на постоянно прижатый к щеке «айфон», он лишь однажды услышал голос временного начальника, заключенный в одной единственной фразе: «Ну, вот ты и зассал».

В голове Макарова недоумение постепенно трансформировалось в привычную раздражительность. Четверо свидетелей видели подозреваемого три часа назад, но Сейранов продолжал расхаживать по квартире без кондиционера с наглухо закрытыми окнами. В самом этом факте Макаров никакой странности не видел – офицеры, занимавшие должности в Главном управлении, в его представлении отличались не умом, а влиятельными связями. Удивляло другое – феноменальная способность Сейранова не потеть.

Запустив скомканную салфетку в мусорное ведро, Макаров решил, что с него хватит.

– Покурим? – бросил он напарнику.

Напарник, молодой офицер с черными кудрявыми волосами, несмотря на двадцать семь часов дежурства, совсем не выглядел уставшим, что немного раздражало Макарова.

– Заканчиваем, – сообщил он, едва за ними захлопнулась дверь.

– Откуда новости?

– Едем брать.

– Едете? – хмыкнул Макаров.

– Ага.

– Такс... – Лицо Макарова стало серьезным.

– Я не спал пятьдесят часов, – сказал он тихо, – но это ладно... Дело, в конце концов, твое, но интересы коллектива... как с этим?

– Чего?

– Короче – про товарищей подумал?

Глаза Макарова загорелись какой-то нездоровой энергией.

– Кого? – продолжил упорствовать напарник.

Он с интересом смотрел на Макарова, рот его застыл в полуулыбке – в ожидании шутки, которая все никак не формировалась в устах старшего товарища.

Макаров кивнул, будто ему вмиг все стало понятно, и подошел к коллеге вплотную, словно собирался поведать какой-то секрет.

– Ремень, видишь, какой? – засунул он руку под пивной живот, из-под которого сверкнула пряжка. – Начальство вопросы задавать начнет, а ты ему что ответишь? Придумал?

– Ладно, отстань, – отмахнулся напарник, широко улыбаясь.

Эта улыбка за сутки дежурства Макарову порядком поднадоела.

– Нет, ты, похоже, не понял... – Макаров положил руку на плечо напарника. Пальцы сжали лейтенантский погон.

Напарник приподнял брови.

– Ладно, – сказал Макаров, отступая, будто опомнившись, – ладно. Ты молодой... Просто присмотришься внимательнее к тем, кого выбрал себе в кумиры. Присмотришься и обрати внимание, как они смотрят на тебя. Понял?

Но напарник «не понял». Молодость и внешняя податливость слишком хорошо маскировали стержень, о который то и дело спотыкались желавшие дать ему отеческий совет.

– Дать тебе в лоб, что ли, – сказал Макаров как бы в раздумье, хлопая себя по карманам. – Обожди-ка, я сигареты забыл.

Он вернулся в квартиру, но тотчас забыл о сигаретах. Переступив порог, Макаров остановился в изумлении, пытаясь понять, от чего вдруг сработал давно неиспользуемый инстинкт

оперативника. И лишь когда слух уловил тихую речь на кухне, полицейский аккуратно прикрыл за собой дверь и прислушался.

– Не будь дураком, – говорил Сейранов, обращаясь к Гурову, майору лет тридцати пяти с не менее рельефным торсом, – ты думаешь, я буду слушать кого-то, кроме шефа?

– Но как нам быть? – нога Гурова стояла на табурете. Сам он упирался мощными руками о колени. Его широкое крестьянское лицо выглядело озадаченным.

– Я не узнаю тебя, Стас. Во-первых, дело самое обычное. Во-вторых... – Сейранов внезапно подался вперед и вытянул орангутанообразную руку, – взгляни-ка.

– Что?

– Рисунок на стене видишь?

Белобрысая голова Гурова повернулась, и Макаров увидел, что толщина его шеи практически совпадает с диаметром головы.

– Ну?

– Что думаешь об этом?

– Я не знаю.

– Ну, так вот, – продолжил Сейранов, откидываясь назад. Взгляд его оставался прикованным к чему-то на стене, – если дело затянется, то имей в виду: этот тип не хвост или какой-то баклан, а член команды. В полном смысле. Просто рычаги подключились другие, понимаешь? Люди же хотят как лучше...

– Но шеф знает, как мы работаем, – бегающий взгляд Гурова продолжал что-то искать вокруг себя.

– Шеф ничего не может сделать... Не забивай голову. Во-первых, твой шеф – это я. А во-вторых... – Сейранов встал с табурета и, положив руку на плечо Гурову, заглянул ему в глаза, – во-вторых, я тебе уже говорил, Стас, твой главный минус в том, что ты никак не научишься мыслить самостоятельно. Хотя... отчасти, это и твой плюс, но не сейчас... Как себя вести? Ну, можешь рассказать, чем ты занимаешься в органах внутренних дел.

К удивлению Макарова, лицо Гурова преобразилось, словно Сейранов посредством взгляда передал ему дозу чего-то ободряющего.

– Ну, допустим. А дальше что? Пустишь его по своему плану?

– Ага, как же, – усмехнулся Сейранов, сжимая огромный угловатый кулак с перстнем на среднем пальце.

Сейранов, очевидно, хотел сказать что-то еще, но скользкий взгляд его задержался на дверном проеме, глаза сощурились, и Макаров понял, что его заметили.

– Иван?

– Игорь, – поправил Макаров, как ни в чем не бывало, выходя из темноты прихожей.

Сейранов задумчиво смотрел на Макарова.

– Мне нужны копии ваших протоколов, – сказал он после паузы.

– Осмотра?

– Хотя нет, давайте оригиналы.

Макаров нахмурился. Пальцы принялись перебирать жетон дежурного, забытый в кармане.

– Так не пойдет, – сказал он, переводя взгляд на пыльные ботинки и думая о том, что если поднимет голову, то увидит устремленный на себя взгляд бараньих глаз и тут же испытает острое и, вероятно, неудержимое желание зарядить между ними кулаком. Где-то в глубине сознания он понимал, что ему следовало просто отдать протокол и поехать домой. Но что-то мешало. То, что однажды лишило его шанса поступить в Академию, а спустя пять лет – занять место заместителя и получить служебную квартиру.

То, что сам он называл зудом в голове.

– Оригиналы мы сдаем в отделение, – поднял взгляд Макаров. Руки его перестали вертеть жетон, какая-то неведомая сила оттянула их к середине бедер.

Взгляд Сейранова, к его удивлению, ничуть не изменился. Как и прежде, руководитель группы смотрел спокойно, с небольшой долей пренебрежения. Единственной странностью был дым, возникший внезапно перед его бронзовым лицом, будто на плите, стоявшей рядом, что-то готовилось и пригорело. Дым с каждой секундой становился плотнее, превращаясь в густой туман и поглощая пространство вокруг. На Макарова накатил прилив усталости, на этот раз такой сильный, что он оказался не в состоянии бороться с ним. Мыслительный поток прекратился, и последняя более-менее ясная мысль замерла, словно застывший кадр видеоролика, который вскоре тоже начал таять. Веки опустились, и Макаров увидел огненные полосы, походившие на широкие трассеры крупнокалиберных снарядов, пронесившихся снизу вверх. Внезапное чувство досады овладело им – он уже ничего не понимал. Физическая воля была подавлена. Макаров с трудом открыл глаза и увидел потоки света, струившиеся сквозь туман из пары бараньих глаз.

Эпизод 3

Перешагнув через корень, он прислушался и снова пожалел, что не заглянул в «Гугл Мэпс», перед тем как отправить в пруд свой старый «Хуавэй».

Лес вроде бы вытянут к северу, вспоминал он, и за МКАД переходит в Битцевский парк – еще один лесной массив, зажаты между Севастопольским проспектом и жилыми кварталами Чертанова.

Сквозь неумолкаемый рев с правой стороны пробивался далекий грохот железной дороги. Старый полковник Манин рассказывал им с братом о способностях человеческого уха улавливать стук железных колес на расстоянии в двадцать километров. Он любил поезда, и мысли о них немного успокаивали. Для себя он решил, что обязательно уедет на поезде, когда все закончится. Не поспешит на самый лучший класс. Несколько дней назад ему в интернете попались фотографии японских поездов со стеклянными крышами, и он искренне пожалел, что таких не делают в России. Их могли бы закупить, на худой конец, для самой большой страны это могло стать уникальным аттракционом. Он представил, как, развалившись на койке кондиционированного купе, наблюдает за плывущими над головой изумрудными кронами и тусклыми северными звездами. На столике тихо позвякивают бутылки с охлажденной минералкой – зеленоватые и голубые, вода из которых с шипением наполняет огромные, похожие на аквариумы бокалы... Огненный шар будто прокатился по горлу – он сглотнул и поморщился от жгучей боли.

Последние пятнадцать минут лучи нестерпимо жгли затылок и шею, мечты о поезде стали бледнеть и, в конце концов, надоели. Жажда затмила даже боль в мышцах. Еще минут пять он механически брел, глядя под ноги, стараясь ни о чем не думать, кроме цели, заключавшейся в движении строго от солнца. Наконец, паутина ветвей над головой поредела. Он поднял взгляд. На фоне безоблачного неба высилась опора рекламного билборда, где-то внизу оглушительно ревело шоссе, а за стометровым провалом продолжался лес – густой, спасительный и недостижимый.

Ворона парила через МКАД навстречу ветру. Он посмотрел ей вслед, перекинул сумку на плечо, и повернул на запад. Через пять минут, вышел к мосту. Потемневшая от осадков и пыли кишка из органического стекла с одинарными пешеходными спусками. Пересечь его – дело пары минут, не больше. Но он не спешил. Взгляд скользнул по площадке перед подъемом, прошелся по пустующей остановке и переместился к панельным многоэтажкам на другой стороне дороги. В тревожном состоянии уловить сигналы, бывало нелегко, но за последние сутки он пережил так много, что успел привыкнуть к постоянному стрессу.

Сигналы напоминали напряженное гудение, как, бывает, гудят провода линий электропередач над полями, распространяя вокруг звуковую рябь. Смешанный запах сероводорода и дыма лесных пожаров дополнял ощущение дисгармонии. Он напряг зрение, стараясь уловить деталь, ставшую причиной беспокойства. Зелень, дома, машины, лес. Ничего. Но в голове гудело, и, казалось, даже воздух вибрировал от напряжения. Он не понимал природу этих сигналов, но отлично научился их идентифицировать. Главное – результат, как говорил брат, и результат этот был всегда потрясающе верным.

Трое таджикских рабочих вышли из-под моста возле остановки и, побросав окурки, забралась в грязно-белую «Газель». Он проследил, как грузовик отъезжает, набирает скорость и, вливаясь в общий поток, проезжает мимо «Жигулей» пятой модели... Ничего необычного, на первый взгляд – просто старая рухлядь в техническом загоне на обочине. Он вернулся немного назад и оглядел «Жигули» с откоса. В машине сидели двое. Пройдя еще полсотни метров, осмотрел машину сзади. Остатки сомнений рассеялись, но страха не было. Может быть, он действительно привык к новому состоянию, а может, просто сил не осталось даже для страха. Как бы то ни было, опустившись на траву, он не чувствовал ничего, кроме усталости.

Эпизод 4

Бодрый голос вывел Макарова из странного состояния. Повернув голову к дверному проему, он увидел высокую фигуру и прищурился, пытаясь разглядеть незнакомца. Сквозь туман проступали лишь отдельные фрагменты: крупное лицо, высокий лоб с развитыми надбровными дугами и небольшие залысины. Лицо расплывалось, но Макаров был уверен, что незнакомец улыбался. В руке мужчина сжимал лом-гвоздодер.

– Кто тут старший? – спросил незнакомец и, шагнув в квартиру, вопросительно посмотрел на Гурова, оказавшегося первым на его пути.

– Догадываюсь, кто вы, – Сейранов поднялся с табурета, – я руководитель группы, а ваша...

– Медведев, – мужчина перевел на Сейранова любопытный, как у ребенка, взгляд.

– Артур Сейранов.

– Мы ведь раньше встречались, Артур?

– Нет.

Медведев смотрел на старшего следователя, ни капли, не смущаясь тяжелого ответного взгляда.

– Последнее время часто приходится работать в смешанных группах, – пояснил он, – а память на лица хреновая.

Сейранов опустил взгляд на фомку и снова поднял его на Медведева.

– Откуда вы?

– Область.

– Область?

– У города есть дела поважнее. – Медведев облокотился о дверной косяк. Лицо его излучало уверенность, присущую людям, находящимся в нужное время и в нужном месте.

– Значит, это... неважное дело?

– Я не сказал, что оно неважное. Я сказал, что есть поважнее.

– Зачем же тогда подключили вас?

– Этот вопрос задайте своему руководству, – Медведев улыбнулся, и поднял указательный палец, – а что касается меня, то... пока не забыл.

Сейранов бросил быстрый взгляд на Гурова и снова перевел его на Медведева. Уголки губ его почти незаметно приподнялись.

– Не принимайте на свой счет, майор, но я работаю эффективнее, когда мне не мешают. Думаю, вы понимаете, о чем я.

Макаров, стоявший у стены, снова ощутил беспричинное беспокойство, но Медведев, судя по ясному взгляду и расслабленной позе, ничего подобного не испытывал.

– Хочешь сказать, что не собираешься соблюдать субординацию? – спросил Сейранов, внезапно перейдя на «ты».

Медведев устремил указательный палец на Сейранова и рассмеялся.

– Рад, что мы поняли друг друга, – без смущения согласился он, – ты профессионал и опытный следователь, Артур, но пусть тебя не беспокоит – если я что и раскопаю, сообщу тебе в первую очередь. Не сомневайся. – Медведев вдруг поморщился, будто уловил неприятный запах и оглядел грязную кухню, – однако скажите, коллеги, какого хрена тут происходит? Ведь прошло уже три часа?

– Его только видели в девять, – пояснил Гуров.

Сейранов скрестил могучие руки на груди и, будто потеряв к Медведеву интерес, повернулся к окну.

– Даете фору?

– Ты недалек от истины, – ответил Сейранов, не оборачиваясь. – Если ты профессионал, то должен понимать, что мы тут делаем.

Сидевший на табурете Гуров зевнул и, кивнув на гвоздодер, спросил:

– Что это?

– Это то, что мы упустили.

– Мы?

Медведев усмехнулся.

– Кто сюда приехал первым?

– ДПС.

– Почему?

– Он попал в аварию.

– А из ваших?

– Дежурная бригада местного отделения, – Гуров указал взглядом на Макарова, – затем мы.

– То есть его спугнул патруль?

– Спугнул?

Сейранов обернулся, намереваясь что-то сказать, но Медведев приподнял фомку.

– Он сломал люк и ушел по крыше через соседний подъезд. Наверное, после того, как увидел патрульную машину под своим окном. Ее хорошо оттуда видно, Артур? – Медведев аккуратно положил фомку на стол. – Можно проверить на отпечатки, если есть желание. И это тоже... – он достал из заднего кармана джинсов небольшие куски ткани и бросил на стол. – Он порвал одежду, пока лазал по крышам.

Сейранов снова отвернулся к окну, продолжая хранить молчание.

Медведев подошел к нему и, остановившись в полуметре, произнес тихим голосом, так что слышали только двое:

– Мы имеем беглеца в рваной одежде без документов в кольце «Сирены». Я думаю, для нас всех будет лучше взять его до обеда и отправиться по своим делам.

Сейранов помолчал несколько секунд и обернулся – стремительно и бесшумно, будто крупное животное из семейства кошачьих.

– Стас! – обратился он к Гурову. – Едем.

Эпизод 5

Справа возникла тень, и лейтенант повернул голову, следуя за взглядом напарника.

Смутное лицо в окне – смесь страха и подбострастности.

– Чего тебе?

– Посмотрите, пожалуйста.

Искусственная улыбка и желание угодить, больше Байков ничего не увидел. Он попытался поймать ускользающий взгляд.

– Ну что?

– Машина собьет...

– О чем он говорит?

– Да пьяный там какой-то, одежда рваный совсем...

Открытая поза, улыбка... Байков начинал сердиться.

– Какая одежда? Кто пьяный?!

Он понимал, что спрашивает совсем не то, что нужно, стараясь оттянуть время, но выделенный ситуацией лимит был слишком мал – требовались решения. Он слышал, как хлопнула дверца, – сообразительный напарник уже выскочил из машины, и его рука тоже потянулась к ручке. Нужный вопрос возник внезапно, словно вышел из тумана:

– Мы-то тут при чем?

Таджик улыбнулся шире и показал взглядом на заднее сиденье. Байков понял. Его привычка класть фуражку на заднюю панель, чтобы другие копы видели – едет «свой». Сомнения рассеялись, и он выскочил из машины, тотчас забыв о таджике, чтобы вспомнить о нем, когда все станет по-настоящему ясно.

Странное чувство, думал он, спустя десять минут – будто у тебя что-то украли. Говорят, нет ничего ценнее времени. Когда дыхание Байкова восстановилось, мозг его, насытившись кислородом, наконец, сформулировал по-настоящему правильный вопрос. Вопрос, на который он уже знал ответ.

Эпизод 6

Собака была небольшой, но вздыбленная на загривке шерсть вызвала неприятные ассоциации с Мартой. Он повернул к лесу, надеясь, что ее устроит такое решение, но низкий рык сообщил об обратном.

Со стороны домов на него поглядывали пара подростков на лавочке и женщина с коляской, шедшая по тротуару.

Скорее это обстоятельство, а не собака, решившая напомнить, что он незваный гость на ее территории, стало причиной первых, пока еще слабых, ударов молота в голове. Краем глаза он видел, что от гаражей к нему спешит еще одна дворняга. Она семенила осторожно немного боком, словно опасаясь расплескать свою ярость, и в эту секунду он неожиданно потерял контроль. Удары молота с фантастической скоростью участились, слившись в один монотонный звон.

Схватив первое, что попало под руку, – разлапистую мшистую ветку, он со свирепой уверенностью пошел на собак. Животные, учуяв физическую угрозу, бросились наутек, на бегу заливаясь пронзительным лаем.

– Дичают, – неожиданно раздалось за спиной.

Он обернулся. Высокий старик разглядывал его рваную футболку.

– Считают этот лес своим, – сказал старик и перевел взгляд на его стоптанные кроссовки, – скоро будут нападать на нас.

– Уже нападают.

Пальцы разжались, выпуская ветку из рук.

Старик ничего не сказал. В его взгляде не было ни тени добродушия, ни напряженного старческого страдания. Впрочем, явной неприязни в нем тоже не было. Знакомый взгляд. Невыплеснутая ярость еще бушевала, и он не сдержался:

– Вы полицейский?

– Нет, – последовал быстрый ответ. В мутном взгляде мелькнуло удивление.

Он молча кивнул и, поправив на плече сумку, направился к лесу.

– Как тебя зовут? – спросил старик.

Настал его черед хранить молчание.

– Ты слышишь?

Поискав взглядом тропинку, но так и не найдя, он продолжил шагать по траве.

– Игорь! – Бросил старик в тощую спину и увидел, как она вздрогнула.

Он обернулся. На лице – кривая усмешка.

– Уже знаете?

Старик кивнул, словно для него это было обыденным делом.

– Милиционер. Раньше... раньше нас так называли.

– На пенсии?

– Да.

– Вам сообщили?

– Что сообщили?

– Моё имя.

– Это... мое имя.

Бросив хмурый взгляд в сторону шоссе, он зашагал прочь.

Старик проследил, пока сутулая фигура в рваной футболке не скрылась в зарослях, затем достал старый мобильник, но вместо того, чтобы опустить взгляд на треснувший истертый дисплей, повернул голову в сторону автоцентра «Хёндай».

Цилиндр из стекла и бетона вырос всего за три месяца и навсегда скрыл от глаз березовую рошу, на которую он смотрел долгими одинаковыми днями из окна кухни своей однокомнатной квартиры. Но на этот раз он не видел ни цилиндра, ни роши. Он видел юношу, бросающего в небо горсть монет, и солнце, в ответ сверкнувшее бликами на четырех маленьких звездочках из мельхиора, а затем – почти сразу – накрытую мартовской изморосью Петровку смутного девяносто второго года и новоиспеченного подполковника запаса, замершего на старинном крыльце, глядящего в весеннюю лужу на тротуаре. Все крутилось – застывшие, словно фотоснимки, эпизоды, лица, обрывки фраз... Казалось, что нить, связывавшая его с фрагментами чьих-то жизней, мешает, не дает уйти, куда его давно тянуло. Нет ничего общего между тем, кто мелькал в обрывках слабеющей памяти, и тем, кто стоял сейчас под полуденным солнцем. Это стало по-настоящему ясно только теперь, и он удивился, что не замечал этого раньше. Чужой путь, его собственный, миллиарды других путей, уже пройденных или только начинавшихся, – все иллюзия. Он почувствовал, что пришло время освободиться, отпустить сожаление, камнем тянувшее в архаичный мрак земных связей, вынуждая испытывать тоску, которая всегда была чужой в его свободолюбивой душе. Он отпустил ее. Отпустил и сразу почувствовал, как сознание наполняет непривычная легкость. Все меняется, подумал он. Кроме одного. Путь, отразившийся в затравленном взгляде, был неизменным, и этот путь он узнал, ибо прошел его сам. Из золотого тумана выступили очертания автоцентра, старик потянул ноздрями раскаленный воздух и убрал телефон в карман.

Эпизод 7

Многое в жизни он совершал, доверяя интуиции, – в отличие от разума, с которым, по словам брата, у него были проблемы, интуиция чаще подсказывала верные решения.

Вот только в случае со стариком, она, похоже, дала сбой.

Разглядывая пластмассовую тарелку, привинченную к стойке, Игорь ощущал, как растет желание засунуть руку в окошко и схватить ее за горло. Он попробовал рассмотреть что-нибудь за мутным стеклом, но увидел лишь контур собственной головы с темным пятном вместо лица.

«Это просто усталость, – подумал он, – просто дьявольская усталость... И жара».

Он не спал почти двое суток.

Когда плотная рука, стиснутая на запястье тонким браслетом, наконец, выложила перед ним стопку грязных купюр и проездной билет «90 минут», он успел дважды реализовать свое желание в голове.

Игорь протянул руку и замер.

Свежая струйка пота пересекла поясницу. Справа, возле самого уха, настойчиво гудел шмель. Ему казалось, он даже ощущает колебания воздуха, производимые крошечными крыльями. Только в моменты срабатывания радара все вокруг так замедляется, и мир становится до такой степени отчетливым и детализированным. Забавный эффект.

– Берите, – раздалось из окошка.

Злость мгновенно растаяла, пришло время страху – липкому, как пот, смешанный с соком маракуйи.

Ничего особенного, подумал он. Надо просто повернуть голову и убедиться в этом.

Но что-то мешало.

Машина с синей полосой на белом фоне. Исчезнув из правого угла обзора, она никак не появлялась в левом.

– Берите! – повторила она громче.

Ему захотелось сказать что-нибудь резкое – чтобы она заткнулась, например. Теперь он хорошо видел ее толстое лицо за стеклом. Кажется, она сильно страдала от жары.

– Подскажите... – во рту пересохло, и он едва услышал собственный голос, – подскажите, какой автобус идет до метро?

– Этот идет! – бросила она, снова исчезая во мраке.

Игорь облизнул пересохшие губы и не сдвинулся с места. Стекло над окошком заполнило отражение длинного сочлененного автобуса, неслышно подплывшего и закрывшего собою prospect. Не оборачиваясь, он шагнул в надвинувшуюся тень, развернулся и побежал, шатаясь, словно пьяный.

Салон оказался абсолютно пустым. Пройдя в самый конец, Игорь упал на последнее сиденье, съехал по нему так, что колени ушли далеко в проход, а подбородок уперся в грудь. Затем поднял ладони к лицу и с удивлением обнаружил, что пальцы не дрожат.

«Буду считать до ста, и будь что будет».

Можно, конечно, просто дождаться, когда полицейские войдут в автобус и вышвырнут в новый мир, знакомство с которым начнется с пыльного асфальта и выбитых зубов. Но все-таки хотелось провести последние секунды в покое, а для этого нужно увидеть их, прежде чем...

«Черт возьми, неужели я засыпаю?» – мелькнуло в голове, перед тем как он увидел их. Они шли по салону – крупные манекены в полицейской форме, на ходу расстегивая лакированные кобуры. Идущий первым поднес палец к пластмассовому лицу и, несмотря на отсутствие глаз, Игорь не сомневался – манекен смотрит прямо на него.

Когда он открыл глаза, ему показалось, что прошла целая вечность. Пустой салон пронзали солнечные лучи. За перегородкой в такт плавным поворотам двигался локоть водителя. Радар молчал, словно и не было никакой полицейской машины. Утихло гудение. Кондиционированная прохлада дополняла иллюзию безмятежности за окном – вопреки враждебной жаре, захотелось растянуться на газоне перед парком. В следующую секунду очередная волна уста-

лости накрыла его, салон начал расти, обращаясь в мир, сотканный из грез и сияющих осколков детских воспоминаний.

– Следующая остановка – Новоясеневский проспект, дом девятнадцать.

Игорь открыл глаза и вздрогнул – кругом были люди. Полно людей. Повсюду лица, оголенные фрагменты тел, пестрая одежда. Взгляды. Привычное московское равнодушие, разбавленное брезгливостью. Он знал, что такое быть изгоем, но ощущая привычный дискомфорт, догадывался, что причина не только в его рваной одежде. Дело в затравленном взгляде. И в дерганных движениях. Двое школьников с зачесанными назад волосами протиснулись вглубь салона. Он попытался дышать глубоко и двигаться медленнее, но слишком явно пустующее пространство вокруг мешало обрести уверенность.

Игорь повернул голову, и взгляд уперся в запутанную схему маршрутов. Разноцветные нити сплетались в одно сплошное пестрое пятно. Он попытался отыскать на схеме станцию метро, но его снова непреодолимо потянуло в сон, и он перевел взгляд в окно.

Пейзаж за окном изменился – оживленные проспекты пришли на смену тихим зеленым улицам. Обилие светофоров мешало разогнаться – заторы становились плотнее. Потoki людей многочисленней. Игорь понял – метро уже совсем рядом. Живот скрутило от боли.

Он едва не вскочил, почувствовав прикосновение – нервы ни к черту. Пенсионер с темным морщинистым лицом настойчиво стучал пальцем по его плечу.

– Уступи старику-то.

Игорь подвинулся.

– Не подумай чего, – бодро проговорил пенсионер, усаживаясь рядом, – но ты не из этих? Не вникая, Игорь мотнул головой, и поморщился от громкого голоса.

– Алкаш?

– Алкаш, – охотно согласился Игорь, отворачиваясь к окну.

Пенсионер рассмеялся скрипучим старческим смехом.

– Врешь! – почесал он впалую грудь, озираясь прищуренным глазом. – Ни один алкаш не считает себя алкашом... Смотри-ка! – старик толкнул его локтем. – Куда они все едут, а?

– Не знаю.

– Да ты не обижайся, – приободрил старик, – воняет от тебя просто... а человек ты, я вижу, хороший, приятный...

Автобус втянулся в небольшую пробку перед светофором. Игорь выругался про себя и уставился на сверкающий капот «Доджа» за окном.

– А вообще я тебя знаю, – шепнул пенсионер ему в ухо, обдав запахом свежесъеденного чеснока, – ты странник.

Игорь равнодушно глядел в окно.

– Я ведь тоже странник. Я ведь... шесть тысяч километров по шпалам прошел. Вот этими ногами, – он приподнял брюки, оголив бледные лодыжки над спущенными серыми носками, – у меня с тех пор ширина шага равна расстоянию между шпалами. Это, мать вашу, почти инвалидность!

Игорь теперь смотрел на таймер светофора, с каждой секундой сильнее сжимая челюсти.

– Пенсию получил вчера, – продолжал тем временем старик, – две тысячи прибавили. Ветеран я. Венгерских событий. Что смотришь? – обратился он к женщине, сидящей напротив. – Вот куда ты едешь, скажи, а?

Женщина отвернулась.

– В пятьдесят девятом ножом в живот получил в Чехии. Вот за то и прибавили.

Старческий смех закрипел и вдруг резко оборвался. Старик проворно соскочил с места, вцепился в поручни, довольно ловко подтянулся на них, как гимнаст на кольцах, поджал ноги,

качнулся и резкой пружиной выпрямил, ударив между лопаток полного мужчину в клетчатой рубашке.

– Ааааааааа! – завизжал он. – Мрази! Куда вы все едете?!

По автобусу прокатились испуганно-удивленные возгласы, следом пошла волна суетливых движений. В глубине салона кто-то захохотал.

– Ааааааааа! – продолжал визжать старик, запрыгнув на плечи полной женщине средних лет. – Куда вы, мать вашу, а?!

Завязалась суматоха. Старик потонул в пестрой толпе, Игорь на время потерял его из виду. Послышался глухой сильный удар, затем женский визг. Автобус остановился, открылись двери. Лицо старика, оскаленное безумной улыбкой, неожиданно мелькнуло под потолком. Несколько мгновений Игорь с удивлением смотрел на прыгающего по людской массе подобно шимпанзе безумца, затем подхватил сумку и вышел на улицу.

Летящее вслед пронзительное «Ааааааааа» тревожило душу, не отпускало, даже когда он пересек плотный поток, свернул в переулок и прошагал почти полсотни метров.

Эпизод 8

Байков не испытывал такого стресса со времен срочной службы, когда раздавшаяся над головой автоматная очередь у Копаевского гидроузла вынудила его установить личный рекорд в беге на скорость. Впрочем, сейчас все было серьезнее, и хотя степень страха не соответствовала опасности, мозг, очевидно, считал иначе. Полчаса назад Байков безмятежно пил кофе, почитывая в Интернете статью о десяти бельгийских миротворцах, захваченных в плен народностью хуту в Руанде в 1994 году. Ему было любопытно узнать, что испытывают люди, понимая, что через пять минут их кастрируют и заставят съесть свои гениталии. Кажется, теперь он начинал понимать кое-что, и это ему совсем не нравилось. Чертовски не нравилось. Гортань онемела, словно он получил под язык порцию ледокоина с привкусом перечной мяты.

– Язык проглотил? – раздалось из тумана.

– Оставь его, Артур, – подхватил другой голос, – это уже не поможет.

Сейранов оторвал взгляд от прижатого к стене лейтенанта и повернулся к пульту.

Последний раз подобная тишина на стационарном посту ДПС воцарялась полгода назад, когда его порог переступал замначальника ГИБДД Москвы. Но тогда влиятельный генерал лишь на несколько секунд остановил работу поста. Теперь же обычный майор из другого ведомства держал в напряжении одиннадцать полицейских, семеро из которых были офицерами.

Человек в рваной футболке с сумкой наперевес скатился с насыпи, оглянулся и исчез с экрана монитора.

– Давай дальше, – скомандовал Гуров.

На экране возник тот же человек. Теперь он бежал по мосту, вдавив голову в плечи.

Гуров осторожно посмотрел на шефа.

– Могло быть и хуже, Артур, но ты оказался прав – он идет на север.

Сейранов не двигался. Его фигура будто окаменела, превратилась в древнюю индейскую статую. Пронзительный восточный взгляд, казалось, что-то видит за стеной. Внезапно на бронзовом лице его появилась улыбка. Гуров прекрасно знал, что она означала, и мысленно распрощался с последними шансами на субботний отдых.

Эпизод 9

Он не знал эту часть города, но догадывался, что станция метро где-то рядом. В переулке, скрывшем его от магистрали, не было магазинов, за исключением киоска, в котором он купил две бутылки воды.

Укрывшись в тени лип, Игорь снял рваную футболку, намотал ее на голову, полагая, что в таком виде больше походит на рабочего, чем на бродягу, утолил жажду, и, дождавшись, когда число прохожих станет минимальным, продрался через кустарник, отделявший тротуар от забора из сетки-рабицы. Остатки воды он вылил на голову и плечи, вытерся футболкой, выжал ее и снова пристроил на голову.

Теперь появилось время подумать. Он оглядел пространство за забором. На зеленеющих лужайках рассредоточились одноэтажные хозяйственные строения.

Его заинтересовала группа рабочих. Выходцы из Средней Азии копали траншею у серебристого ангара. В борьбе со зноем некоторые из них намотали майки на головы, но были и те, кто просто побросал их на траву и развесил на ветках кустарника.

В конце концов, можно и заплатить, подумал он, кладя ладони на ребро изгороди.

Около получаса Игорь провел у опрокинутого контейнера, скрываясь за бетонным блоком, в ожидании шанса. Когда несколько азиатов, побросав лопаты, направились к эллингу, он напряг зрение и слух. Над траншеей клубился сигаретный дымок, до ушей доносилась тихая незнакомая речь, но все находившиеся на поверхности уже скрылись за ангаром.

Оставив сумку прикрытой наспех сорванной травой, Игорь поднялся и зашагал к траншее. В случае чего он надеялся просто пройти мимо – вряд ли узбек-работник станет задавать ему вопросы.

Но удача подвернулась раньше. Не доходя метров десяти до траншеи, Игорь заметил сине-белый кусок материи на траве у бордюра. Ускорив шаг, он обогнул яму, подхватил тряпку и, прижимая ее к груди, поспешил обратно. За бетонным блоком Игорь развернул не совсем свежую футболку «Адидас», и на его осунувшемся лице впервые за день появилась улыбка.

Через пятнадцать минут он миновал стеклянные двери торгового центра «Золотой Вавилон». Взгляд охранника скользнул по торсу, втиснутому в обтягивающую не по размеру футболку, и задержался, быть может, дольше, чем следовало, но это не смутило его. Перед ним лежал целый мир, и если охранник не выгонит его (что вряд ли), то спустя полчаса через эти двери выйдет совсем другой человек.

Игорь выбрал один из самых дальних павильонов, в котором, особенно не придираясь, приобрел рубашку в крупную клетку, серые брюки в стиле «милитари», кеды и довольно вместительный рюкзак. Переодевшись в туалетной кабинке, он уселся на крышку унитаза и открыл сумку. От увиденного на миг перехватило дыхание. Впервые за сутки ему удалось по-настоящему рассмотреть содержимое водостойкого «Самсонита» и сразу все встало на свои места и многое стало понятным. И ожесточенный отпор, и скорость появления полицейских, и алчный блеск в недоверчивых глазах Ромика... За все надо платить, безусловно. Но ведь он платит, не так ли? Стертые до крови ноги, жажда, выжженное страхом сердце... Что это, как не расплата? А Вадим? Брови его сдвинулись. Цена еще не выплачена, подумал он, спешно принимаясь перекладывать серые и голубые пачки в новый рюкзак.

Старую сумку он сложил в пакет и плотно утрамбовал в мусорном ведре, прикрыв сверху туалетной бумагой. Стертые до дыр кроссовки задвинул за унитаз, сверху аккуратно уложил старую одежду. Затем спустил воду, вышел из кабинки, бросив короткий взгляд на коротко стриженного мужчину, вошедшего в туалет, вымыл руки, лицо и шею жидким мылом, пригладил короткие волосы и насухо вытерся бумажным полотенцем.

Перед тем, как покинуть торговый центр, он зашел в «Рив Гош» и салон связи, купил бейсболку, темные очки и китайский смартфон с пятидюймовым экраном.

Через полчаса через стеклянные двери действительно вышел другой человек. Бейсболка и очки скрывали лицо от палящих лучей и любопытной части прохожих. Запах пота сменился ароматом туалетной воды. Конечно, оставалась еще куча проблем, но глядя на проходившего мимо полицейского и не испытывая по этому поводу ни капли беспокойства, он вдруг осознал, что отныне время перестало быть его врагом. Более того – осталось сделать совсем немного,

чтобы оно стало его другом. Всего лишь несколько шагов – до ближайшего подземного перехода.

Но перед тем, как сделать эти шаги, он поднял лицо к небу, словно хотел поблагодарить солнце, ставшее сегодня его единственным союзником.

Говорят, во время жары работоспособность людей снижается как минимум наполовину. Взглянув на полицейского, вытиравшего платком потную шею у киоска с мороженым, он нисколько в этом не сомневался.

Эпизод 10

Оглушительный фальцет вонзился в уши, словно шило. Витя Пендраковский вздрогнул, пальцы быстрее заработали по клавиатуре. Удар по Enter и...

Программа выдала ошибку.

За его спиной стоял самый жуткий полицейский из всех, которых ему приходилось видеть. Огромный толстяк с белыми волосами, кудрявость которых не могла скрыть даже короткая стрижка. Гладкое, как у младенца, лицо цвета вареной колбасы и фигура, напоминавшая гигантского амура.

Вите хотелось оправдаться – ведь он всего лишь студент, но амур пресекал любые попытки говорить «не по делу». Крохотные пороссячьи глазки под изогнутыми бровями гневно сверлили его тощую фигуру. Умопомрачительный внешний вид венчал голос: жуткий и невероятно пронзительный фальцет оперного певца с недостижимым для мужчины тембром. Амура он, впрочем, ни капли не смущал. Казалось, он был даже рад необычному оружию, которым наделила его природа.

Майор Самсонов стоял так близко, что Витя чувствовал запах стирального порошка с ароматом сирени. Безупречно выглаженная ткань небесно-голубого цвета туго обтягивала огромный живот. Витя боялся злить полицейского, но он понятия не имел, как этого избежать, ибо все, что он делал или не делал, полицейскому решительно не нравилось.

– Извините... я не программист, – робко сказал Витя, когда на экране вновь возникло error, – я студент... Мне нужно время, чтобы разобраться

– Всем трудно, – вонзилось шило, и полицейский еще на сантиметр приблизился к нему, – мне трудно, но я стою, как видите, хотя мне жмут ботинки и на улице жара. И я поверил бы вам, – возвысил он голос, – в части поиска причин для оправдания собственной лени, если бы не знал, кто вы такой.

Это казалось невероятным, но фальцет перешел на более высокую ноту.

– Я не понимаю...

– Обычное преступление! – взлетел к мрачному потолку тенор и разнесся по комнате. – Но менее тяжелое, чем то, которое вы совершаете. Вы не просто некомпетентны, вы наслаждаетесь вредом, который наносите.

Полицейский устремил похожий на сосиску палец в лицо Виктору.

– Я скажу, кто вы, – сказал он, наклонившись, так что Витя с удивлением ощутил тонкий аромат туалетной воды.

Пендраковский смотрел в пол, не пытаясь скрывать охватившего его страха.

Майор Самсонов, очевидно, привыкший к такой реакции, не обращал на это внимания. Его фальцет сменился свистящим полусшепотом.

– Вы можете называть себя кем угодно, – продолжил он, склонив над ним необъятный торс, – но не пытайтесь обманывать. Вы преступник. Причем талантливый преступник, от природы. Но не тот, которого уважают другие преступники. Вы преступник самой жалкой категории. Вы знаете, как с такими как вы, поступают сотрудники полиции?

Пендраковский смотрел на ноги амура. Начищенные до блеска туфли отражали свет дневных ламп унылой диспетчерской. Вес тяжелого тела равномерно распределен на слоновидные ноги. Где-то в глубине сознания плавали обрывки воспоминаний из теории права: «Преступник... Вред... Разве это не суд решает?»

– Знаю, – неожиданно сказал Пендраковский, и удивление на секунду промелькнуло в поросычем взгляде.

Полицейский амур ошибся – Витя все-таки был студентом. К восьмой сессии он имел только одну четверку – по психологии. Развернувшись на крутящемся табурете, он открыл папку Димона. «Хлам, так и есть». Файлы drivers лежали в самом низу. За спиной раздавалось свистящее дыхание. «Должно быть, их этому специально обучают», – подумал Пендраковский и нажал Enter. В окошке плеера появилось размытое изображение. Есть.

– Отматывайте на тринадцать ноль-ноль.

Пендраковский быстро выполнил команду.

На экране возник пустой салон автобуса. Меняющийся за окнами пейзаж говорил о том, что автобус двигался.

– Ускорьте!

В салоне автобуса появился человек в рваной футболке и быстро, как в фильмах с Чарли Чаплином, прошел в конец, уселся на сиденье, поднял ладони к лицу и закрыл глаза.

– А теперь найдите момент, когда он вышел.

Вите захотелось сказать «Есть» или даже «Есть, сэр» – что-то в этом роде. Причем, к собственному удивлению, это было вполне искренним желанием.

Эпизод 11

Черный внедорожник «Порше Кайен», мигнув ксеноновыми фарами, прогнал с пути «Мерседес» и со скоростью болида выстрелил до следующей преграды – «Хонды Аккорд», парящей в первом ряду. Сейранов откинулся в кресле, оставив на руле могучую руку.

– Что думаешь, Стас?

Гуров, оскалившись, тер выбритый подбородок.

– Может все-таки, попросишь шефа убрать его?

– Если его уберут, то только из группы, – Сейранов ударил по клаксону, и «Хонда», вильнув, уступила ряд, – он останется в деле или получит свою группу, что еще хуже. Чем он не угодил тебе?

– Ты смеешься?

– Я про твое чутье.

– Мне показалось странным его, мм... появление.

– Обычная клоунада.

– Да, но какой в этом смысл?

– А какой смысл ходить на гей-парады, Стас? Ты не перегибаешь с этими смыслами?

Иногда дурак – это просто дурак. Или как там Фрейд говорил про сигары?

– Я не думаю, что он дурак, больше, похож на того, кто занимается не своим делом.

– Кто же он, по-твоему? Особист?

Гуров задумался.

– Нет.

– Нет?

– Вообще похож на мозгоклюю из воспитательного...

Сейранов засмеялся.

– А ведь точно! Но... это не все, а?

– Возможно.

Сейранов бросил на напарника задумчивый взгляд и посмотрел на дорогу.

– Я поговорю с шефом насчет него.

Гуров достал телефон.

– Андрей звонит.

Сейранов улыбнулся, услышав знакомый фальцет. Даже сквозь динамик этот странный голос действовал на него умиротворяюще.

– Ну что?

– Он вышел из леса.

Улыбка Сейранова стала шире, он надавил на педаль, и стрелка спидометра преодолела значение сто тридцать.

Эпизод 12

Бигль по кличке Малыш ощущал тысячи разных запахов – от кисловатого разнотравья, смешанного с перезрелой антоновкой, до жареного мяса из шашлычной в Измайловском парке, приправленного миазмами разлагающегося трупа крысы в ливневом стоке у автовокзала. Но в данную минуту его интересовал только один запах – специфический букет, состоявший из частиц шоколада, кожи, перца и человеческого пота.

Запах сгущался, но пес уже замедлил бег. Тишина надвинулась внезапно, окутала белые ивы и древовидные караганы. Небо потемнело, в воздухе теперь доминировал запах пыли, сквозь который пробивался какой-то новый, незнакомый запах. Малыш приподнял морду, оскалится во флеменской улыбке. Голос хозяина звал чаще, но раздавался он уже совсем далеко. Мелькнув белым лбом, бигль нырнул в зелень и, ведя носом, устремился вперед, торпедой рассекая травяное море.

Через минуту он выбежал на небольшой луг, посреди которого возвышалась заброшенная беседка. За ветвями стремительно чернели остатки дня. Умолкли птицы и насекомые.

На шерсть упала теплая капля. Следом еще одна. Малыш замер. Если бы не подрагивающие ноздри, его можно было принять за небольшую статую.

Когда прогремел первый раскат, и вспыхнувшая над кронами молния осветила беседку, пес увидел его. Высокий человек лежал на лавке, поджав ноги, лицо его прикрывала газета.

Малыш дернул ушами, и пролез под скамейкой. Теперь он хорошо видел высокого человека – тот лежал без движения, прикрывшись газетой, длинная рука свисала, касаясь истлевшего пола. Пес подошел ближе. Он знал, что делать – острый нюх никогда не подводил его. Шершавый язык коснулся горячей кожи. Сейчас человек с седыми усами проснется, закашляет сухим смехом, а затем откроет сумку, и Малыш получит то, ради чего решил оставить хозяина. Но человек не засмеялся. Гадюкой взметнулась длинная рука, ухватив Малыша за шею. Раскрытая газета съехала на пол, и бигль с ужасом посмотрел в незнакомое лицо.

Ему казалось, что он продолжает бодрствовать и тот кошмар, который видит во сне, происходит в реальности. Где-то высоко, за десятком межэтажных плит, ревел штормовой ветер, а во тьме по соседству бродили огромные травоядные животные, в результате мутации получившие разум, в тысячу раз превосходивший человеческий. Вместе с разумом они обрели и некую непостижимую ему цель, для которой он служил средством. Скрыться от них – невозможно, интеллектуальная и физическая борьба была бессмысленна. Он бежал по каменному тоннелю, испытывая ужас, который бывает только в кошмарных снах, и чьи-то умные фасеточные глаза наблюдали за ним – то сверху, то сбоку, то спереди маячила их яркая желтизна. Он знал, что не уйдет от этих глаз, но продолжал бежать. Все его мысли и движения были давно изучены и предсказаны. Какая-то дьявольски долгая эволюция отделяла его от этих созданий.

Но вдруг что-то произошло – фасеточные глаза стали меркнуть и уменьшаться, раздалось блеяние, ужас ослабил хватку, болезненный кошмар рассеялся. Из мрака выступили очертания реального мира. Он проснулся. Вернее, что-то разбудило его. Что-то шершавое.

Собака заскулила, и он перехватил ее за ошейник. Она была редкой породы – гладкая короткая шерсть переливалась в тусклом свете. Животное заскулило громче, пытаясь освободиться. Игорь поставил его на пол, пес тотчас сорвался с места. Когти заскрежетали по дереву, и через пару секунд, до ушей долетел шелест мокрой травы.

Короткий сон не принес облегчения. Голову камнем тянуло вниз. Он закрыл лицо ладонями, вслушиваясь в дробь дождя над головой. Несколько крупных капель попали на шею и спину, заставив вздрогнуть и оглянуться. Его окружала стена ливня, но дождь не избавлял от духоты, раскаленный воздух будто отяжелел.

Солнце, судя по бледному разливу за тучами, только что скрылось за горизонтом. Сам того не замечая, он завалился на бок, но вдруг встрепенулся, сделав усилие, сел прямо. Мутный невидящий взгляд уставился в пространство перед собой.

Достал смартфон. На дисплее 21:22. Помедлив, Игорь провел пальцем, и коснулся иконки «Google Chrome». Прямоугольник экрана несколько секунд отражался в чернеющих зрачках.

– Двое застрелены, – почти беззвучно прошептал он, вскакивая и принимаясь растирать грудь, будто у него заболело сердце.

Застрелены... Перед глазами возник яркий образ. Неужели это все, что осталось?

Он видел его последний раз восемнадцать часов назад, в тот момент, когда машину подбросило на бордюре. Оглянулся и увидел.

Уперев руки в перила, Игорь смотрел в темную траву. Перед ним пролетала жизнь, из которой выхватывались фрагменты, связанные с братом.

Он не замечал, что ливень прекратился, и ночная мгла опустилась на парк, он видел все тот же мрачный лес. Ничего нового – мир все так же враждебен. Только на этот раз он противостоит ему в одиночку. Сможет ли он продолжать? Есть ли теперь в этом смысл? Игорь представил одинокие полустанки в ночи, среди бескрайних заснеженных полей, по которым бродит гудящий ветер, волнуя замерзшие сорняки.

Сукин сын!

Прокуренный голос заставил очнуться. Игорь видел брата, будто тот стоял перед ним: костистое лицо, колючий взгляд... Глаза его заблестели, он встал, через силу улыбнулся и запустил окурок в мокрую траву. Сноп искр вспыхнули и потухли, так же быстро, как его внезапная улыбка.

Хватит разводить сопли, сказал ему прокуренный голос и оказался прав. Как всегда.

Никакой цели, никаких надежд. Ясно одно – бежать из Москвы, во что бы то ни стало. Но это не так просто, если у тебя нет документов, а твою рожу, крупным планом снятую шестнадцатимегапиксельной камерой, видел каждый полицейский, заступивший сегодня в наряд.

Он сел на скамейку, закинул ногу на ногу, достал смартфон и включил навигатор. Красный треугольник приземлился посреди обширной зеленой зоны. Большими пальцами Игорь увеличил масштаб, и на экране появились трамвайные рельсы, дорога, квадрат кафе, автомойка и схематичное изображение колеса обозрения. На севере пестрело скопление эмблем с буквой «А». Автобусная станция. Скорее всего, небольшой автовокзал возле метро. Он попробовал представить гаишника, досматривающего пассажирский автобус, и подумал, что это не такая уж плохая идея – купить билет на рейсовый автобус. Ведь для этого не требуется паспорт. А если удастся миновать границу города, то к утру он сумеет добраться до Питера. Конечно, опасность можно встретить повсюду, но, как говорил Вадим, – приходит время, когда пора засунуть внутренний диалог куда подальше.

Установив в навигаторе конечный пункт, он подхватил рюкзак и покинул беседку.

Эпизод 13

Лысенко спрятал наручные часы под рукав. До конца смены восемь минут, но он успеет еще разок обойти территорию. Конечно, особого смысла в этом нет, но чем занять оставшиеся минуты, как не прогулкой совмещенной с исполнением служебных обязанностей? Машинально проверив застежку на кобуре, он двинулся вдоль желтой каменной стены в сторону торгового центра.

Лысенко не спешил – при росте чуть выше ста девяноста и ширине плеч, как у Владимира Кличко, это выглядело бы странным. Рубашка слегка жмет в плечах, но в остальном новая форма, созданная известным дизайнером, сидит, словно влитая. Все-таки есть что-то положительное в реформе полиции. Определенно есть. Старший сержант Лысенко в этом не сомневался.

Он давно привык, что некоторые мужчины, завидев его высокую, облаченную в полицейскую форму фигуру, норовили куда-нибудь свернуть. Поначалу это удивляло, забавляло и порой приводило к глупым ситуациям – до тех пор, пока сотрудник воспитательного отдела не вызвал его на беседу, в ходе которой, помимо вопросов о том, где он живет, что ест на завтрак и как зовут его соседей по коммуналке, сотрудник не сообщил о некоторых любопытных исследованиях Института судебной психиатрии.

Лысенко воспринял новую информацию как шутку, но когда сотрудник на прощание пожимал ему руку, то вдруг вспомнил, что за сорок минут беседы майор-воспитатель ни разу не улыбнулся. С тех пор Лысенко научился расставлять приоритеты по-новому, и уже через месяц это принесло свои плоды.

Вспоминая об этом, старший сержант уже около минуты краем глаза наблюдал за худым мужчиной в клетчатой рубашке, устало бредущим в редкой толпе. Благодаря медленной походке, ему не пришлось поворачивать голову, чтобы хорошо рассмотреть внешность сутулого доходяги и определить цель его пути. Мужчина присоединился к потоку запоздалых пассажиров, спешащих от «Партизанской» к автовокзалу. Узкое плечо его резала лямка увесистого рюкзака. Он почти поравнялся с торговыми рядами, когда Лысенко заметил в ярком стекле павильона обращенный на себя быстрый затравленный взгляд.

Мириады горящих окон гостиничного комплекса «Альфа» освещали площадку размером примерно двести на триста квадратных метров. Походившие на скалы корпуса вперемешку с торговыми павильонами занимали две трети периметра автовокзала.

Укрывшись от света под раскидистой кроной дуба, Игорь грыз фильтр истлевшей сигареты, поглядывая в дальний угол площадки, где темнели два исполинских «Скания». В его кармане лежал билет на автобус до Павловского Посада.

Когда один из автобусов, моргнув фарами, поплыл в его сторону и хаотичная толпа у остановки, поражая быстротой самоорганизации, трансформировалась в очередь, Игорь выбросил окурок и в пятый раз оглянулся на пустынную дорогу между парком и автостанцией. Он был уверен – опасность, ставшая причиной заработавшего радара – где-то там.

Понимание, что ничего не выйдет, пришло, еще раньше, когда он покупал билет, минут десять назад. С тех пор уверенность в этом только нарастала. Сейчас «внутренний радар» сигнализировал всюю, и его никак нельзя было списать на нервное напряжение. При мысли о побеге и очередных блужданиях по лесу становилось тошно, но еще хуже становилось от мысли о возможном повторении судьбы Вадима.

Он переместил взгляд на киоск с надписью «Печать», пробежался по торговым рядам, оглядел будку охранника перед шлагбаумом – ничего необычного на первый взгляд. Затем

повернулся и снова оглядел павильоны, потом аптеку, за ней небольшой торговый центр в форме цилиндра, наконец, просканировал стоянку такси, гостиницу и вновь повернулся к дороге. Круг замкнулся – и опять ничего.

Автобус подплыл к очереди и первые пассажиры, поднявшись по крутой лестнице, исчезли в темноте салона. Игорь удержал себя от очередной попытки оглянуться. Все и так понятно. И даже пальцы дрожат. А вот и стальной привкус. Но что теперь? А теперь поздно!

Инстинктивное желание побежать заставило дернуться. Он удержался и посмотрел в сторону парка, оценивая расстояние. Не так уж и далеко: всего-то пересечь пустынную дорогу – и вот он, парк. Может, ему повезет, и он сумеет сбить их с толку? На какое-то время.

Очередь стремительно сокращалась. Игорь обреченно побрел к автобусу, издали разглядывая его необычную футуристическую форму, и внезапно в его голове выстроилась простая и стройная картина ближайшего будущего. Составленная чьей-то расчетливой логикой, она была столь очевидна, что ему оставалось только хлопнуть себя по лбу. Автобус. Гениально и просто. Ему позволят сесть в автобус. Конечно.

Его сутулая фигура, похожая на тень, бесшумно замкнула конец очереди. Двое подростков, стоявших впереди, даже не заметили его – один из них бросил окурочек, который угодил Игорю в грудь и, отскочив, растаял в темноте. Секунды шли, хаос в голове нарастал. Конечно, в запасе оставалась эта дурацкая идея – пуститься напролом, в парк. Вот только вряд ли те, кто устроил ему эту ловушку, не предусмотрели подобной реакции с его стороны. Спасительный мрак обманчив... да и новую гонку он вряд ли выдержит.

В очереди осталось всего три человека. Толстый мужчина, сжимая между пальцами бутылку «Балтики» и шаурму, другой рукой хлопал себя по карманам. Игорь смотрел, как из-за толстой шеи ритмично двигались щеки – толстяк искал билет и жевал одновременно. Интересно, когда он захочет отлить, то попросит водителя остановиться или отольет прямо в бутылку, которую затем оставит под сиденьем?

Игорь медленно повернул голову направо. Все это время они вели себя осторожно. Не допустили ни малейшего повода обнаружить себя. Похоже, работает кто-то профессиональный. С чертовой завидной выдержкой, которой ему всегда не хватало. Но они не учли одного фактора – просто не могли о нем знать.

Он повернул голову налево, наигранно зевая, – до парка каких-то семьдесят-восемьдесят метров. Когда-то он неплохо бегал стометровки. Правда, это было давно и вряд ли теперь имело какой-то смысл. Густые кроны раскачивались, как живые, пугающая темнота за ними казалась уже не такой спасительной.

– Ваш билет.

Голос, видимо, обращался к нему, но Игорь сделал вид, что не слышит. Он оглянулся в последний раз. Торговые ряды опустели. Стекланный фасад закрытого центра тускло и размыто отражал свет окон «Альфы». Площадка и стоянка такси обезлюдели.

Охотник знает: главное – терпение. Только так, а не иначе можно дожидаться момента, когда жертва попадет в ловушку. В самый ответственный момент легче всего сорваться, дать осечку. Для этого надо всего лишь обладать хорошей выдержкой...

Будка охранника. На двери замок.

...но хороший охотник понимает и то, что у жертвы есть все основания вести себя осторожно и предусмотрительно. Особенно если жертва знает, что объявлен план «Сирена».

Крупная широкоплечая фигура в голубой рубашке скрылась за киоском с надписью «Печать».

– Ваш билет, – повторил контролер.

Сколько секунд у него есть, пока голубая рубашка не покажется вновь? Три? Пять? Он надеялся на большее.

Эпизод 14

Понедельник, 15 августа

– Знаете, почему ваш бизнес обречен? – жилистый мужчина, сверкнув идеальной лысиной, устремил длинный палец к потолку, – Ни ложь, ни реклама, ни новые кредиты не помогут вам. Ничто не поможет. Кроме одного.

Закончить мысль ему не удалось – на другом конце отключились, но мужчину это не смутило – положив телефон на салфетку, он улыбнулся девушке, сидящей напротив.

– Извините, Таня.

Девушка не ответила. Выражение ее лица изменилось пятнадцать минут назад, и хотя Мочульский всё понял намного раньше, укола раздражения избежать не удалось.

– Мне пора, я и так задержалась, – сказала она, выдержав еще минуту.

«Всё как обычно» – подумал Мочульский.

Она ни разу не взглянула на него, пока выбиралась из-за столика. Он поигрывал тонким смартфоном, удерживая большим и указательным пальцами, улыбка на тонких губах растеряла остатки искренности.

– Здесь, кстати, отличные десерты...

Снова молчание.

«Не слишком красива, вот чутье и дало сбой. Большой нос, фигура на троечку, характер... А всё-таки другие сдавались раньше».

– Я действительно спешу, Леонид.

Он вздрогнул, услышав собственное имя. Ему вдруг навязчиво показалось, что она читает его мысли.

– Вы... обязательно закажите десерт. Вам нужны силы, вы же спортсмен.

«Тренер, а не спортсмен».

– Я провожу вас.

– О нет, не стоит! – оживилась она, и впервые за последние полчаса удостоила ответным взглядом. В темных глазах испуг смешивался с отвращением.

«Это всего лишь штука, детка. Всего лишь штука».

Она ушла, оставив холодный шлейф. Он давно не получал от них ничего, кроме этого шлейфа. Угловатый силуэт, напомнивший ворону, почти сразу мелькнул за окном – она и впрямь спешила. Спешила покинуть его.

Мочульский откинулся на спинку стула и посмотрел в окно. Тесные тротуары с трудом вмещали потоки москвичей и туристов, заблудившихся в поисках дешевых закусок. Пятницкая улица, как всегда в это время дня, превратилась в застойный канал дорогого железа. Сплав фантазий и технологических вершин западной цивилизации. По радио говорили, что кризис избавит Москву от пробок, но, похоже, избавил только от части гастарбайтеров.

На фоне старинного особняка по тротуару, шел сутулый бородатый человек с длинными волосами, собранными на макушке в хвост, как у индейца. Худой фрикер со включенной бородой и потухшим взглядом – обычное дело для окрестностей Третьяковки. Фрикер явно что-то искал, что-то вынюхивал. Наверное, высматривал к кому бы пристать, чтобы развезти на водку или наркотики. Мочульский не любил бомжей и всякого рода бродяг. Странно, что он вообще обратил на него внимание.

Улыбка Мочульского завяла, но не исчезла, придав ему выражение некоторой блаженности. Оплатив счет, он вышел из ресторана, и, привычно жалея о потраченных впустую деньгах, пружинистой походкой направился в сторону метро.

По понедельникам он проводил тренировки на Бабушкинской, в небольшом полуподвале, оборудованном под спортивный зал. Слишком рано, но ничего не оставалось, как отправиться туда. Впрочем, сегодня он будет единственным тренером и возможно удастся...

Мочульский по привычке отогнал опасную мысль, но теплая волна приятной дрожью успела прокатиться по телу. В конце концов, разве он не заслужил небольшую компенсацию? Сегодняшняя неудача, вопреки ожиданиям оказалась довольно болезненной, и нет ничего плохого, чтобы гармонизировать свое состояние. Гармонизировать – так он это называл. Ему нравилось это слово.

Спускаясь по ступеням эскалатора, он пропустил вперед спешившую блондинку, как бы невзначай ударившую его сумочкой, и оглянулся. Он так и не понял, зачем это сделал. Наверху, в колонне стоявших справа мелькнула знакомая бородатая физиономия и, будто мираж, растворилась в толпе.

Мочульский замер. Фитнесс-трекер на запястье издал два коротких писка. Он обладал устойчивой нервной системой. Психиатры отнесли бы ее к сильной инертной, и первая реакция на раздражитель была вполне предсказуемой. Проблема была в другом и Мочульский об этом знал – у него не было ни единого повода стать объектом преследования, кроме...

«Ерунда какая-то», – подумал Мочульский, продолжив спуск. Двигаясь через толпу по вестибюлю Третьяковской, он лихорадочно соображал. Слежка? Непрофессиональная, безусловно. Он где-то читал, что профессионала можно вычислить, если резко обернуться и пойти ему навстречу. Дилетант попытается скрыться, а профессионал пройдет, как ни в чем не бывало и исчезнет. Навсегда. Его сменит другой. Но что, что это даст ему?

Дойдя до конца платформы, Мочульский перебрал в памяти все свои знакомства и неудачные романы.

Исключено. Кто угодно, но только не он. Что же тогда? Работа? Прошлое?

Из темноты тоннеля, с оглушающим ревом вырвался поезд.

Он наморщил лоб. Все знают его как порядочного человека. Никаких долгов, никаких краж, никакого обмана. Значит, остается только...

«Нет, нет и нет!»

Двери открылись прямо перед ним.

– Вы заходите?

Невозможно. Он был осторожен. Как мог быть осторожен только он.

– Мужчина...

– Да-да.

Память, снова и снова возвращала его в тот снежный вечер во Владимире, два года назад, когда единственный раз в жизни он потерял голову, и действие, начинавшееся безобидно выплеснулось в... Трудно сказать во что оно выплеснулось. Это можно было назвать кошмаром, если бы не тот, вгоняющий в дрожь экстаз... Он не знал природу этого явления, но догадывался, что оно являлось частью той его сущности, которую улавливали в нем все эти татьяны и маргариты – женщины в возрасте от тридцати, считавшие, что им не повезло в жизни.

Интересно, где этот тип? Едет в соседнем вагоне? Жалкий доходяга.

Мочульский был не из тех, кто легко теряет контроль над собой. С виду равнодушный уверенный в себе мужчина флегматично разглядывал рекламу новостроек в Измайлово, временами бросая короткие нейтральные взгляды на пассажиров. Мочульский анализировал. Сравнивал, сопоставлял и делал выводы.

«Очевидно, что тип с хвостом – дилетант или сумасшедший. Одно из двух. И почти наверняка – тупой муж, одной из тех дур, с которыми он вел переписку».

Это было единственным разумным ответом, и Мочульский окончательно взял себя в руки. Все сомнения рассеялись, и на место растерянности тут же пришло негодование. Какого хрена, он вообще позволяет себе следить за ним? В конце концов, Мочульский не какой-нибудь подонок. Хотя... Надо давать людям шанс. Он просто разберется, расставит все точки над «i», и объяснит, что не стоит следить за Мочульским. Объяснять он умеет. Это его конек. Он улыбнулся про себя, ощущая, как кровь наполняется здоровой мужской агрессией.

Двери вагона открылись на очередной станции, замелькали лица людей – серые, сонные. Ни одной улыбки или живого взгляда. Еще бы – понедельник, лица обитателей метро наполняются жизнью только к концу рабочей недели. Он посмотрел в лицо брюнетке с короткой стрижкой и пробежался по ее фигуре.

Спустя полчаса, когда Мочульский выходил из метро план был готов. Уверенной походкой он направился вдоль торгового центра, рассекая встречный поток. Через пару минут перешел на край тротуара ближе к проезжей части, и продолжил движение в сторону Яузы. Дойдя до первого перекрестка, свернул направо, остановился и, не удержавшись (оглядываться он себе не позволял) поднес к глазам выключенный дисплей смартфона, пытаясь увидеть преследователя в отражении. Ничего не обнаружив, кроме неба и силуэтов зданий, он направился по пешеходной дорожке, уводившей в глубину парка и дальше вниз, к реке.

На первой попавшейся тропинке, Мочульский свернул и скрылся в зарослях кустарника. Теперь оставалось только ждать.

Минуты через три, Мочульский увидел его. Несколько коренастый, но исхудавший мужчина с обтянутыми бледной кожей скулами, и сосредоточенным взглядом, походивший на воинственно настроенного представителя Свидетелей Иеговых. Он раздвинул ветки и, вытянув шею, сурово посмотрел вниз – туда, где сверкали мутные волны Яузы, а затем торопливо направился по тропинке. Притаившегося за кустами тренера он не заметил. Дилетант – успел подумать Мочульский, глянув сверху вниз на немые черные волосы, собранные в диковинный хвост.

Мочульский не стал терять времени. Решительность – главное свойство бойца. Сколько раз он повторял это на тренировках. Выскочив из-за куста и, пользуясь эффектом неожиданности, Мочульский набросился на незнакомца, произведя классический захват, с заломом руки за спину. Бомж издал короткий вопль.

Мочульский тяжело задыхался, ожидая, что бомж закричит, но тот молчал. Тогда он поднял захваченную руку выше и произнес тоном, которым начинал тренировки:

– Говори!

Вместо слов раздался тихий щелчок, похожий на клацанье.

Мочульский подумал, что сподручнее опрокинуть бомжа на землю, чтобы зафиксировать обе руки – мало ли что, но вдруг понял, что слишком долго соображает – сильная боль обожгла колено, и тотчас внизу сверкнул короткий клинок с хищными зубьями.

– Твою мать! – крикнул Мочульский, за годы тренерской карьеры ни разу не сталкивавшийся с вооруженным противником и сразу допустил вторую ошибку – инстинктивно, как источник опасности, оттолкнул бомжа.

Перед глазами возникло бледное лицо с черным безумным взглядом, и Мочульский моментально все понял – «это» не ошибка.

В руке незнакомец сжимал странное орудие – походившее на крюк изогнутое вовнутрь лезвие с серрейторной заточкой в виде зубьев пилы.

Мочульский ощутил, как джинсы ниже колена становятся тяжелее, жжение усиливалось. Мужчина протянул к его лицу руку, так что красное от крови лезвие почти коснулось его лица. Тренер отпрянул, ощущая подступивший приступ паники.

– Боишься?

– Что ты сделал с моей ногой?!

Незнакомец судорожно дернул плечом, поморщился и сделал усилие, чтобы остановить неконтролируемую судорогу, затем снова протянул крюк-пилу к лицу Мочульского.

Мочульский поморщился и сделал судорожный вдох. Его разум потерял контроль над телом.

– Иди к черту! Что... что тебе нужно?!

Он обнаружил, что говорить спокойно не может, слова вылетали в форме крика, ему будто не хватало воздуха.

– Горьковское шоссе, – произнес незнакомец, и Мочульский впервые заметил, как эта несуразная внешность и зловоние дисгармонирует с тихим, но четким голосом. Такие голоса он слышал в Павловской обители и в одной еврейской школе, в которой подрабатывал пять лет назад. Взгляд, однако, перечеркивал все эти странные ассоциации. Этот взгляд он знал лучше голоса. Такой взгляд он видел в зеркале, после «вспышек». Мертвые зоны сознания.

Страшное лезвие вновь возникло перед глазами.

– Это произошло случайно... Не по моей вине... – проговорил Мочульский словно против собственной воли.

– Что-о?

– Я был пьян. Нет...

Лицо бомжа изменилось. И без того худое, оно стало удлиняться. Челюсть опустилась, глаза увеличились в размерах, но ненадолго – он быстро взял себя в руки.

– Что ты сделал с ней? – спросил он, и на лице Мочульского отразилось искреннее удивление.

– Что? С кем?

– Что ты сделал с ней? – повторил незнакомец громче и по дрогнувшему голосу, Мочульский понял, что в конце туннеля забрезжил свет.

– С кем – с ней?

Годы тренерской работы прошли не зря – пока сознание пребывало в смятении, голос, звучал ровно, словно работал автономно. Еще немного искреннего недоумения и немного напускного страха.

Продолжая пристально следить за Мочульским, незнакомец достал что-то из заднего кармана, и развернул перед его лицом изрядно помятую фотографию девушки с золотистыми кудрявыми волосами.

– Я не понимаю, о чем ты говоришь, – выдохнул Мочульский, – ничего с ней и вообще с кем-то я сделать не мог.

Незнакомец выглядел озадаченным. Определенно настал его черед терять уверенность.

– Ты сказал...

– Исключено, – отмел Мочульский, – я стукнул машину возле «Бахетле» на Горьковском, было дело. Правда было оно весной, но никаких девушек я не трогал и трогать не мог, – продолжал Мочульский, наклоняясь к порезанной ноге, – уж кто-кто, но чтобы Мочульский обидел женщину – это исключено. Это подтвердят все, кто меня знает. Ты... сильно порезал мне ногу...

– Посмотри на меня.

Мочульский разогнулся и с удивлением обнаружил, что одержимость в немигающем взгляде исчезла. Но то, что пришло ей на смену казалось еще ужаснее.

Эпизод 15

Японская еда и полицейский «Кольт». Отличное завершение дня. Спасительные мысли крутились в голове с утра, помогая отвлечься. Роллы, выстроенные аккуратными рядами на деревянных подставках, дымящиеся гёдза, и тающие димсамы на листьях бамбука. Их можно есть не спеша, прерываясь только на то, чтобы налить из пузатого графина русской золотой.

Две крепкие сигареты «Мальборо» он выкурит одну за другой, после того, как расплатится по счету и выйдет на пустынную ночную Пятницкую. Ну а потом... Потом достанет сверкающий в неярком фонарном свете тяжелый полицейский кольт, приложит к виску и... От удо-

вольствия он даже прикрыл глаза. Отличное завершение вечера. На пластиковой «Мастеркард» оставалось семнадцать тысяч рублей, в кармане – пол-пачки «Мальборо». Одна проблема – «Кольт» существовал только в воображении. Наверное, на родине «Кольта» достать его не проблема – просто заходишь в магазин, и выкладываешь на прилавок пару-тройку помятых сотен.

Виктор вздрогнул, услышав мощный гудок «Камаза», поднял голову и прищурился от нахлынувшего света. Рычание моторов вокруг заглушал шум лопастей зависшего над пробкой вертолета. Он кружил так низко, что можно было разглядеть серые силуэты в наушниках. Но Виктор не замечал ни вертолета, ни машин. Грязные длинные волосы почти полностью закрывали лицо. Жуткий, должно быть видок, – мелькнуло где-то в глубине сознания. Последний раз он стригся вроде бы в феврале или в марте... Хорошо помнилось только, что для этого он использовал ножницы из складного швейцарского ножа. А мыл... Этого вспомнить не успел – мысли вновь стали легкими, эластичными, странными, и сознание, подчиняясь рождающемуся безумию переместило его в центр избы, сколоченной наскоро, из фанеры. Он сжал ладонь, пытаясь ощутить массивную рукоять полицейского кольта, но ладонь была пуста. Он открыл глаза. В избе стоял обычный стол из ДСП, на нем макет старого советского телевизора, сделанного из папье-маше. Виктор посмотрел в единственное окно без стекла, с обрывками целлофана по краям рамы, трепыхавшихся на ветру. За такими же однотипными избами простиралась степь, над которой возвышался гигантский ядерный гриб. «Как тысячи солнц» – всплыло в памяти. Но нет, ядерный гриб был обычным оранжево-белым, каким его изображали на старых стендах по гражданской обороне. Да и все что он видел, выглядело как на плохой картинке – мутно, серо и как-то неполно, как декорации провинциального театра.

Гудок «Камаза» – на этот раз нервный, протяжный мигом разрушил все вокруг – Виктор открыл глаза и увидел перед собой серебристую скошенную на бок букву «Н» – он почти касался ее носом. Приподняв вспотевшее лицо, он надавил на педаль, и машина рывком преодолела расстояние, в которое уже пыталась вклиниться «Тойота».

Справа проплывала черная от дорожной грязи стена и закрытое картоном окошко кассы. Виктор глядел на него, силясь вспомнить что-то. Что-то нежное, хрупкое, тревожное. Когда-то они проезжали на автобусе мимо этой заправки. Тогда она еще работала, и они с женой, обсуждали, как купив машину, будут объезжать эту проклятую вечную пробку. Он хорошо помнил тот день, это было ранней весной, она к вечеру окончательно простудилась.

«Лучше мчать через леса и поля, – говорила она, прижавшись щекой к его плечу, – наблюдать, как дачники копошатся в своих крошечных домиках».

Он соглашался, глядя ее по голове. Действительно, лучше мчать через леса и поля, чем целый час издеваться над сцеплением и нервной системой.

Но сейчас он не мчал через поля. Не наблюдал за дачниками в их крошечных домиках. Он стоял в пробке вместе со всеми, издеваясь над сцеплением и утопая в выхлопном чаду. Возможно, он просто боялся встретить эти леса, поля и дачников в одиночестве.

Пластиковая елочка под зеркалом раскачивалась словно маятник. Он не заметил, как неуверенные движения стали отточенными. Сцепление, передача, тормоз. Ее не было рядом, когда он впервые неуверенно выезжал из автосалона и чуть не попал под трамвай. Ее аккуратные ладони не укладывали в багажник пакеты с продуктами из супермаркета «Карусель». На соседнем сиденье – там, где должна была сидеть она, лежал старый потертый рюкзак. Он не получал удовольствия от вождения. Просто понял однажды, что не может ездить на автобусе.

Сцепление, передача, тормоз. Он был уверен, что сможет ехать и с закрытыми глазами. Взгляд переместился на электронные часы, и мозг автоматически произвел расчет – оставалось чуть меньше полутора часов. Виктор крепко зажмурился и открыл глаза, напомнив себе о данном слове. Данное себе слово он мог нарушить, но данное ей...

Он думал – будет тяжелее, но первая трезвая ночь три дня назад, прошла спокойно. Он закончил работу над списком, изучил нужные карты в интернете, распечатал и аккуратно выделил номера розовым маркером.

Рассвет встречал лежа на кровати, и рассматривая причудливые силуэты, сотканые из выдыхаемого табачного дыма.

Вторую ночь провел на кухне, методично собирая и настраивая пришедший по почте станок из Китая. Ногти после этой процедуры стали еще чернее. Самой тяжелой оказалась третья ночь, когда он зачем-то открыл шкаф с ее вещами и в ноздри пополз тонкий аромат Ультра Вайолетт от Пако Рабанна. Месяцы сложились в годы, канув в небытие.

«Если затор только до первого светофора, можно успеть в „Карусель“ до закрытия алкогольного отдела».

Он с усилием тряхнул головой и включил радио. В голову ворвался голос Рики Мартина, Виктор судорожно покрутил колесико магнитолы. С тех пор, как она исчезла, он не мог слушать музыку. Музыка отпращивала сознание в свободный полет, который заканчивался приземлением в пучину ядовитых воспоминаний. Он понимал, что двигать вперед его может только концентрация. Переключая радио, он наткнулся на диалог – какой-то иностранец с мягким акцентом рассказывал о проблемах московских пробок и о том, что стук колес в российских поездах слышен, потому что колеса – кривые.

Виктор вдавил затылок в подголовник и устремил взгляд вдаль. Впереди показался первый светофор, а за ним – конец пробки. Машины, словно застоявшиеся кони, с дикой скоростью уносились вверх по шоссе.

Квартира за прошедшие годы практически не изменилась. Разве что, потускнели обои, и окончательно вышел из моды дизайн, который она согласилась терпеть только из экономии. Толстый слой пыли покрывал кухню – он ею практически не пользовался. Но, по крайней мере, теперь под ногами не валялись осколки разбитых бутылок.

Виктор бросил ключи на тумбочку, и прошел в комнату. Сев за стол, уложил голову на скрещенные руки. Свет проникал сквозь задернутые занавески, отображая на полу и стенах узоры старомодных кружев. В открытую форточку влетал обычный шум подмосковного лета – детские крики, собачий лай, скрип качелей, звонкий птичий перелив. Влетали и тут же тонули в бездонном колодце черной тоски.

Над ухом раздалось звонкое чириканье, он открыл глаза и равнодушно посмотрел на сидевшего в открытой форточке воробья. Воробей стремительно покрутил головой, и, мелькнув крошечным силуэтом в закатном свете, упорхнул. Виктор опустил взгляд и что-то знакомое, потянуло из привычного небытия.

Мочульский Л. В.

Виктор поднял голову, взял карандаш и поставил напротив фамилии жирную галочку. Затем перечитал фамилию, которая значилась в списке под номером два, откинулся на спинку и попытался представить себе, как выглядит Ларионов Б. С., проживающий на Кленовом бульваре в Москве.

Эпизод 16

Вторник, 16 августа – пятница 19 августа

Сквозь капли стекающие по стеклу, Юля смотрела на аккуратный, похожий на игрушку, рыжий домик с миниатюрными окнами.

Интересно, – подумала она, – мог ли представить Лев Николаевич, что обычная девчонка через сто лет, вот так сверху, будет разглядывать двор, по которому босиком ходил этот могучий бородач, ласково разговаривающий с курами и голубями?

Из приоткрытого окна тянуло свежестью. Мокрая листва шелестела и качалась от ветра, вызывая ощущение покоя и легкой ностальгии. Ей нравилось это место – много теней и зелени, несмотря на центр. Оно напоминало о детстве: постсоветские окраины парка ВВЦ, где они провели немало времени, среди утопающих в солнце и зелени павильонов и памятников.

Захотелось лучше рассмотреть крошечную беседку, и она приподнялась на носках.
– Соблазнительный вид! – раздалось сзади.

Юля быстро оглянулась.

Он стоял в начале лестницы и его блестящий взгляд был нацелен на ее бедра. Нетрудно было догадаться, куда он пялился до того, как она обернулась. Постояв пару мгновений, словно модель на подиуме, он сбежал вниз. Неугомонный нескладный школьник. Его напускная разнужданность проявлялась даже в движениях – руки и плечи были подвижны и скованны одновременно, словно крепились на ржавых шарнирах.

– Что мы тут делаем?

– Какое твоё дело!

– О, таинственное свидание? Иди ко мне!

Он потянулся к ней жирными губами, имитируя поцелуй. Как назло в этой курилке почти не бывало людей, особенно, теперь – к концу рабочего дня. Впрочем, именно потому она и выбрала это место. Но как ее нашел этот придурок?

– Ты следишь за мной?

– Мне нравится, когда ты злишься, – произнес он заученную фразу и протянул руки к ее бедрам, – это делает тебя сексуальной.

Он пришел в отдел меньше недели назад, и уже всем успел надоест. Казалось, у этого парня не все дома. Он был лет на пять младше, и поначалу выглядел как обычный, страдающий от юношеского гиперсексуализма, нерд, которых Юля видела сотнями, работая в крупнейшей IT-компании. Только в отличие от остальных, у этого парня, возможно, на почве изучения ортодоксальных пикап-техник легших на перегруженный от сперматоксикоза мозг, поехала крыша. Он в буквальном смысле терроризировал ее, и пора было что-то с этим делать.

– Зря кривляешься! Ты не тянешь даже на омегу, – сказала она, сердито прищурившись. Улыбка на его лице немного поблекла.

– Злая девочка, – сказал он несколько растерянно, – иди ко мне.

– Иди к черту!

Зазвонил телефон.

– Да, Стас. Есть! – ответила она, понимая, что ее голос прозвучал слишком агрессивно и сердясь от этого сильнее.

– Так его зовут Стас?

– Иди к черту! – повторила она и побежала вверх.

Эпизод 17

– Эй, там, на кассе, нельзя побыстрее?!

Сразу пять любопытных лиц обернулись в его сторону.

– Посмотрите: очередь на соседней кассе идет вдвое быстрее!

– Так идите на соседнюю, в чем проблема?

Огромный Чупа-чупс, похожий на древнерусскую палицу лежал всего в двух шагах, на стенде. Увесистый, он отлично лежит в руке – мужчина с оттопыренной нижней губой хорошо знал это. Он держал его вчера, когда стоял в точно такой же очереди.

– Лучше скажите, почему из десяти касс, у вас работают только две?

– Не ваше дело!

Мужчина неожиданно затих и стал что-то бормотать под нос. Затем он заглянул в корзину стоявшей впереди женщины.

– Мадам, вы слышали о диете Пьера Дюкана?

– Ну, ты достал! – среагировал какой-то бугай, пытаясь протиснуться между ограждениями, но его красное, горящее гневом лицо совершенно неожиданно встретил огромный Чупа-Чупс и раздавшийся почти одновременно хруст утонул в нарастающем женском визге.

Опытный скандалист Борис Семенович Ларионов с неожиданным для своих лет проворством, нырнул под ограждением кассы и, швырнув корзину в спрессованную очередь, молниеносно исчез за дверями.

В магазине повисла тишина. На всех лицах, кроме двух оттаивала легкая оторопь. Каждый быстро нашел для себя адекватное объяснение, и московское равнодушие уже вытесняло остатки скоротечных эмоций. Подлинное объяснение столь стремительно произошедшему, и впрямь отыскать было трудновато – сам Борис Семенович не мог найти этому объяснение уже не один год. Никто, конечно, не пустился за ним в погоню. Только один человек в темных очках каплевидной формы, стоявший у металлических стеллажей, вышел следом.

Борис Семенович не поехал, как обычно домой. Он направил свой дребезжащий рыдван к гаражам, как всегда бубня что-то под нос. Миновал КПП, проехал три ряда, остановился напротив усыпанными ржавыми брызгами ворот с номером «117», вылез из машины и, отперев дверь, вошел в захламленный бокс.

Он долго копался в углу, разбрасывая в стороны куски ветоши, старые журналы, мотки проводов и наконец, достал из пыльной сумки с надписью «Abiboss» телескопическую удочку. Взяв обеими руками, раздвинул трубки и, поднял к тусклой лампе. Стекла очков сверкнули пляшущими огоньками. С оттопыренной нижней губы тянулась тонкая слюна, но он не замечал этого – в мутном взгляде сквозило удовлетворение, а из гортани вырывались звуки, отдаленно напоминавшие мотив песни Валерия Леонтьева про дельтаплан.

Не обратил он внимания и на тихий металлический скрежет, больше похожий на царапанье. В памяти словно трек, поставленный на реверс, все еще проигрывались самые яркие за последние полтора года минуты. Давненько он не испытывал ничего подобного. Одна проблема – в таком состоянии тяжело переключаться на происходящее в реальном мире. Последнее что он помнил – черные тучи над новостройками, пока мчал по Кленовому бульвару, ветер, с неистовством гнавший пожухлые листья и пыль, от которой резало в глазах.

«В этом есть что-то символическое, – подумал он – ливень усмирит жар, в который погрузился город».

– поможет мне-е...

И все-таки, не слишком ли круто он обошелся с тем «павлином»? Хруст был таким... оглушительным. Ему должно быть пришлось несладко, но «павлин» сам виноват. По крайней мере, теперь он знает, что за всё нужно платить. Рано или поздно это всё равно случилось бы. Уж лучше так... Кто знает, быть может, это и есть естественный отбор.

– Наивно это и смешно, но так легко моим плеча-а-ам... Похолодало, однако. Проклятые сквозняки!

Внезапно, Ларионов понял, что он в гараже не один.

Тихое ровное дыхание и очертания тени на куче автомобильного хлама.

Дыхание раздавалось слишком близко. Ближе метра.

Ларионов медленно обернулся, и вместо очередного куплета, из горла вырвалось бульканье.

Эпизод 18

Гуров припарковал машину на улице Льва Толстого напротив шлагбаума единственного в округе бизнес-центра, и направился было к ближайшему двору, но замер на полпути, увидев девушку.

– Юля! – позвал он.

Она пересекала улицу, за ней тащился долговязый парень.

Заметив Гурова, девушка повернула к нему, на ходу надувая щеки и качая головой.

– Привет, можем поболтать? – спросил Гуров, бросив короткий взгляд на парня.

Юля развела руками и покачала головой.

– Я не знаю, Стас, думаю, вряд ли.

– Простите, вы ее бывший парень? – обратился к нему долговязый, насупив брови.

– Нет-нет, – ответил, усмехаясь, Гуров, – мы просто старые друзья.

– Очень хорошо, потому что Юля – моя девушка.

– Мне кажется, она считает иначе, – улыбнулся Гуров, переводя взгляд на Юлю.

– Кирилл, если ты сейчас не отвалишь, то я... – она запнулась, потому что хотела сказать «позову полицию», но вспомнила, что Гуров и есть полицейский и это прозвучало бы несколько глупо, если учесть, что она втайне от руководства с ним сотрудничает.

– Ладно, дружище, мне нужно поболтать с твоей девушкой наедине, – сказал Гуров, слегка приподняв ладонь и устремив ее в грудь долговязому.

Парень покачал головой, продолжая глядеть Гурову в глаза.

– Я не могу отпустить ее, вы видите, в каком она состоянии.

Гуров махнул и сделал знак Юле, чтобы она следовала за ним. Они пошли рядом в сторону жилого дома. Долговязый последовал за ними, слегка дергаясь и подпрыгивая, словно его переполняла какая-то энергия.

– Слушай, твой друг и впрямь собирается идти с нами? – тихо спросил Гуров.

– Стас! – не выдержала она, – ты издеваешься?!

Гуров внимательно посмотрел на ее покрасневшее лицо и остановился.

– Кто он такой?

– Появился в отделе недавно и не дает проходу. Может маньяк. Или псих.

– Ясно, – сказал Гуров и повернулся к долговязому, – слушай, дай нам поговорить.

Парень помотал головой.

– Ты не понял? Иди, покопайся в компьютере или еще где-нибудь. Оставь нас, короче.

Долговязый нахмурился, и, засунув руки в карманы, сделал шаг навстречу. Гуров коротко исподлобья глянув по сторонам, тяжело и хлестко ударил его основанием ладони в переносицу. Долговязый отшатнулся, из глаз его брызнули слезы, сделал несколько шагов назад и сел на землю. Из носа его текла кровь.

Несколько редких прохожих флегматично обернулись и продолжили свой путь, как ни в чем не бывало. Долговязый с трудом поднялся, глаза его сверкали от слез и шока. Какой-то дикий вопль вырвался из его гортани, и он, хотел, видимо, бросится на Гурова, но что-то остановило его. Вместо этого он развернулся и побежал в сторону бизнес-центра.

– Как ты тут работаешь?

– Его перевели к нам недавно... Послушай, теперь я боюсь возвращаться.

– Возвращаться не нужно. Поедешь домой, а завтра его здесь не будет.

– Откуда ты знаешь? – Юля подняла взгляд, и Гуров увидел, как к обычному обывательскому страху подмешивается тягучая хмарь древнего инстинкта.

– Я разберусь. С ним поговорит мой коллега, завтра его здесь не будет.

– В каком смысле – не будет?

– Найдет новое место работы. Или не найдет. Успокойся. Лучше расскажи, что там у тебя?

Но Юля не могла успокоиться.

– А если он не слушает... твоего коллегу?

Гуров рассмеялся.

– Поверь, Юля, того, кто с ним будет говорить, он слушает. После бесед со старшим лейтенантом Колоном, плохие парни остаются инвалидами. В смысле – моральными инвалидами.

– Он и так инвалид. Стас, ты пугаешь меня.

– Тебя должна беспокоить только работа, всё остальное – мое дело.

– Ну, ладно, – Юля с трудом отвела взгляд и достала из кармана сложенный вчетверо листок, – вот что вышло.

Она развернула листок:

– Сто пятьдесят семь заинтересованных пользователей в локации. Но на тот момент это была ключевая новость на главной странице, хотя и на последнем месте. Глубоко заинтересовались ею только тринадцать.

Она передала листок.

– Что выделено красным?

– Этих можно отнести к случайным: время зависания – несколько секунд. Другие копались основательнее, но только трое из них пользовались мобильными приложениями. Их я отметила галочкой.

– Остальные?

– Остальные копались глубоко, но только у этих тринадцати история поиска начинается за несколько минут, в диапазоне от девяти к десяти. У одного из них это был самый первый переход, после выхода на главную страницу.

– Где он?

– Я подчеркнула.

– Перепроверила?

– Проверяет программа, а не я.

– Карточные запросы?

Девушка покачала головой.

– Проверяйте через «СОРМ». Возможно, он пользовался встроенным навигатором.

– Ладно, – сказал Гуров, – убирая листок в задний карман, – так что там с твоим парнем?

– Стас...

– Да я не про этого дебила, встречаешься с кем-нибудь?

Ее лицо покрылось румянцем.

– Сегодня я буду занят, как насчет завтрашнего вечера?

Юля почувствовала жар – то ли от показавшегося из-за облаков солнца, то ли от ладони Гурова, которая коснулась ее поясницы.

Эпизод 19

Весь день шел дождь.

В этот день он узнал, что самая высокая отвесная скала в России расположена на берегу озера Паанаярви в Карелии. Билет на поезд до Петрозаводска стоит две с половиной тысячи. Еще полторы – добраться до горы на нанятой машине. Лето, нет нужды думать о том, чтобы согреться. Бутылку «Серебряной» можно бросить в рюкзак. Как и две пачки «Мальборо». Он читал про мост «Золотые ворота» в Сан-Франциско и знал, что вероятность благополучного исхода составляет примерно один к пяти. Но в его пользу говорило, во-первых то, что гора в три раза выше «Золотых ворот», а во-вторых – он не умел плавать. Оставалась одна проблема – в окрестностях скалы не было японских ресторанов. И все же мысль о скале в течение дня придавала сил.

«Рейндж Ровер Спорт», госномер Р 477 АВ 177. Владелец – Эльза Ядмаева. Адрес регистрации: Москва, улица Минская, дом один. Элитный жилой комплекс с собственным прудом и службой безопасности.

В среду утром он припарковал «Хёндай» в полусотне метров от главного выезда и до вечера не покидал своего поста, справляя малую нужду в пластиковую бутылку из-под «Пепси».

На следующий день, когда история начала повторяться, он покинул машину в два часа дня. Ему без особых проблем удалось проникнуть на территорию жилого комплекса и обойти открытую автостоянку, но это не принесло успеха. Никакого «Рейнджа Ровера» с номером Р 477 АВ 177.

Под предлогом поиска электрика, он спустился в подземную стоянку, но и там ничего не нашел. Тогда поднявшись, он уселся на лавке возле детской площадки и просидел там около часа, пока не понял, что слишком примелькался.

Терпение заканчивалось, но помня о данном слове, он приехал сюда и на третий день, стойко просидев девять часов в машине, жуя бутерброды и слушая радио.

За трое суток, перед ним показался почти весь мировой автопром, въезжавший и выезжавший через шлагбаум элитного комплекса. Но никакого «Рейндж Ровера» с номером Р 477 АВ 177. Либо Эльза Ядмаева сменила место жительства, либо она здесь не жила. Либо, чёрт возьми, еще масса причин. Он достал смартфон и принялся терпеливо набирать номер.

Абонент ответил с четвертой попытки.

– Чего? – пробурчала трубка.

– Нужна твоя помощь.

– Нет!

– Это последний раз.

– Отвали.

– Тридцать тысяч.

– Чёрт. Что там опять?

– Надо проверить кое-кого.

Трубка разразилась матом, но в конце все-таки произнесла:

– Высылай.

– Связь прежняя?

– Нет, Telegram.

– У меня нету.

– Так скачай!

– Окей.

Абонент отключился, и сразу раздался новый звонок. Виктор посмотрел на входящий вызов с надписью «Отец», задумался на пару секунд, затем нажал кнопку «отключить звук» и бросил телефон на пассажирское сиденье.

Эпизод 20

Ольга вышла из магазина в начале одиннадцатого. Уставшие от зноя москвичи передвигались вяло, словно одурманенные дихлофосом мухи, но Ольга спешила. Через двадцать минут от станции «Царицыно» отправлялась последняя электричка, совершавшая короткую остановку на платформе «Силикатная», где она с гражданским мужем снимала квартиру на первом этаже старой двухэтажки.

Гражданский муж... Она усмехнулась про себя. Он предпочитал обозначать роли в их отношениях именно так – муж и жена. Хотя у них и не принято жениться. Вообще, он очень любил говорить о том, что принято и не принято, после того, как вернулся из тюрьмы. Он пере-

стал подавать руку знакомым мужчинам и начал коллекционировать упаковки из-под «Доши-рака».

Странно конечно и даже немного совестно, но никаких эмоций, кроме облегчения, его смерть не вызвала. Приближался день арендной оплаты, и ей предстояло придумать историю для любопытной хозяйки, по поводу исчезновения «мужа». Скорее всего, он «уедет» к родителям, которых у него, конечно, не было. Ну не в командировку же... Какая командировка у охранника. Гораздо важнее, на что она будет жить, после того, как отдаст почти всю свою зарплату за аренду. На этот вопрос ответа не было. Он ушел, не оставив денег. Говорил, вернется с таким наваром, что ей больше не придется работать. Но он не вернулся, и она догадалась, что он умер накануне вечером, когда прочла новость в интернете. Она сразу поняла, что это он. И даже скорее не потому, что он там работал, а потому что хорошо его знала.

Конечно, с его уходом появилась и масса других проблем. Одна из них – почти полтора километра пешком по окраине поселка. Раньше ее встречал Роман и однажды, его угловатый кулак встретил одутловатое лицо молодого колдыря, вздумавшего к ней пристать. В этом «муж» был силен, и она чувствовала бы себя в полной безопасности, если бы на ее животе не заживал синяк от того же самого угловатого кулака. Оставил на память... Сукин сын.

Ольга свернула во дворы многоэтажек, сокращая путь. Ей нравились летние московские дворы, переполненные жизнью – детскими криками, скрипом качелей и птичьей разноголосицей. Было в этом что-то умиротворяющее. Еще в детском доме она мечтала о такой жизни – сначала с родителями и друзьями, потом со своей семьей, когда она вот так же, как эти молодые мамы с колясками, будет выходить летним вечером во двор, чтобы поболтать с соседками о чем-нибудь житейском, и заодно встретить с работы приличного мужа. С каждым годом, она понимала, что эта мечта, скорее всего, так и останется мечтой, но образ летнего городского двора был таким сильным в ее фантазиях, что она даже испытывала ностальгию. Ностальгию по мечте. Какой-то высокий парень в очках странной формы и огромных наушниках поравнялся с ней.

– Привет.

Она вздрогнула от неожиданности. Этот голос был ей знаком. Голос из прошлого. Прошлого, в котором не было ничего хорошего. Дыхание перехватило, она замедлила шаг, не в силах повернуться.

– Не узнаешь? – голос прозвучал ближе.

– Игорь?

Парень кивнул.

– Тебя не узнать, – она попыталась улыбнуться, но вышло не очень удачно.

Кажется, он понял это. Он все-таки был не так страшен, как остальные.

– Маскировка, – он опустил на секунду очки, знакомые серые глаза посмотрели на нее.

– Понятно, – она ускорила шаг.

– Оля, мне нужно с тобой поговорить.

– У меня электричка через десять минут.

– Я оплачу такси.

– Не стоит, – она коротко взглянула на него, – это дорого и потом, мне завтра на работу.

– Ольга, послушай, – он снял очки, и коснулся ее руки, – скорее всего, тебе не придется завтра идти на работу.

Она изменилась в лице, но не замедлила шага.

– Не бойся, я просто хочу отдать тебе деньги Романа.

– У него было деньги? – спросила она недоверчиво, – и много?

– Примерно триста тысяч.

Она, наконец, остановилась.

– Триста тысяч? Ты дашь мне триста тысяч рублей?

– Узнаю Романа, – улыбнулся Игорь, – нет, Оля, триста тысяч евро.

Она долго смотрела на его лицо. Серые зрачки быстро бегали по его лицу – вверх-вниз.

– Значит, ему... вам то есть... удалось?

Он мягко взял ее за локоть.

– Видишь, там свободная лавочка под деревом? Пойдем, присядем.

Она пошла.

– Мой брат погиб, также как и Роман, – сказал Игорь, присаживаясь, – его ты знала лучше меня.

– Да, они были друзьями, – Ольга смотрела, как женщина помогала малышу залезть на карусель, затем перевела взгляд на Игоря, – ты совсем не похож на брата.

– Возможно, мы и не братья вовсе, – ответил он, – но это неважно, я не хочу подвергать тебя лишнему риску. Какая-то слишком серьезная охота развернулась. Я не ожидал... Ладно, я знал Ромика... И думаю, он сделал все, чтобы никакие пути не привели их к тебе, но все же, тебе лучше уехать.

Она молча кивнула.

– Чем я могу тебе помочь?

– Что ты знаешь о последней работе Романа?

– Ничего, – ответила она быстро, – сожалею, но ты ведь знаешь его... То есть знал. Он никогда...

– Я не об этом. Последние два месяца, на кого он работал? Кто они?

Ольга покачала головой, продолжая смотреть на играющих детей. Ее пальцы судорожно перебирали ремешок старенького телефона.

– Об этом он тоже никогда не говорил. Просто уходил в шесть утра и возвращался в девять на следующий день. Где, что и даже в чем заключалась его работа – об этом я ничего не знала, – она резко повернула к нему свое грубоватое лицо, – Игорь, зачем тебе это? Тебе ведь тоже нужно уезжать.

– Я пробовал, но... Впрочем, неважно. Ладно, – продолжил он, вставая, – в конце концов, не за этим я к тебе пришел. Здесь есть какое-нибудь тихое кафе?

– Возле метро, но чем тебя не устраивает это место?

– Здесь слишком много глаз, – сказал он и протянул руку, – идем, я отдам тебе деньги.

Ольга взяла его за руку и улыбнулась. Улыбка ей шла.

В небольшой забегаловке с претензией на восточный стиль было пусто, если не считать двух азербайджанцев, игравших в нарды в углу зала.

Игорь заказал кофе. Ольге, так же, как и ему было не до еды.

Он достал из рюкзака небольшую аккуратную хозяйственную сумку.

– Там деньги, – сказал он, передавая ее Ольге, – обернуты в бумагу. Шесть пачек – это евро, по пятьдесят тысяч в каждой. Еще четыре – рубли, два миллиона. Это доля Романа. Посмотри.

Ольга открыла сумку и увидела бумажные свертки в целлофановых пакетах. Сквозь целлофан краснели туго стянутые знакомые пятитысячные купюры. Сердце ее забило. Интересно, сколько ее годовых зарплат в одной такой пачке?

Она кивнула, не в силах скрыть радость.

– Уезжай как можно быстрее, – сказал Игорь, поднимая чашку кофе. Его взгляд светился над кремовой эмалью, и в этом взгляде была какая-то едва уловимая теплота. Его брат смотрел иначе.

– Но куда? – спросила она, улыбнувшись, увидев пену от сливок на его губах. В сумраке кафе, его лицо казалось симпатичным. Не таким звероподобным, как у Романа. Он напомнил ей актера из старого фильма.

– Мне об этом лучше не знать, – кажется, сохранять серьезность ему давалось с трудом.

Всё дело сумке – она, как наркотик, подняла настроение. Даже официантка – ворчливая грузинка средних лет казалась милой и экстравагантной.

– Все-таки ты не похож на своего брата. Роман сидел в тюрьме, и поверь, ничего хорошего там нет. Уезжай, Игорь.

– Я пытался, – сказал он, – но не выходит. По крайней мере, сейчас.

– Почему?

Он задумался.

– Не забивай голову.

Внезапно она схватила его за руку.

– Послушай. Не знаю, поможет это тебе или нет, но я вспомнила кое-что.

– Что? – он аккуратно поставил чашку на блюдце.

– Когда Роман устраивался на работу, я была с ним в тот день. – Она подняла лицо к потолку, – это именно тот день, теперь я уверена в этом. Он сказал, чтобы я ждала в машине, и, вернувшись, промолчал, но на следующий день его взяли на работу. После того, как он побывал в том месте.

– Сможешь назвать адрес?

Она покачала головой.

– Это было три месяца назад. Но я могу описать его.

– Подожди. – Игорь похлопал себя по карманам, – Черт, я же не взял смартфон. Ладно, просто хотел, чтобы ты показала его на карте.

– Не беспокойся. Я опишу это место, оно недалеко от Семеновской, его легко найти. Вот только...

– Что?

– Не стоит тебе ввязываться. – Ее взгляд погрузнел, – От этого за километр веет чем-то нехорошим. Моё сердце редко подводит меня.

– Оля, в том, что касается сердца, можешь не беспокоиться, – он снова продемонстрировал свою улыбку, от чего сильнее стал походить на актера. Его горячая рука легла на ее обнаженное запястье. По руке к телу пробежала приятная волна. Ей захотелось сказать что-нибудь хорошее, но она лишь в очередной раз произнесла:

– Да, ты не похож на своего брата.

Когда они покинули кафе, солнце уже село за горизонт и жара немного отступила. В шумной сутолоке возле станции метро «Царицыно» сновали личности с сомнительным прошлым и настоящим. Она поежилась и подумала, что Игорь здорово придумал – передать ей деньги в невзрачной хозяйственной сумке – с такими сумками пожилые обитательницы окрестных многоэтажек ходят на рынок за картошкой.

Она взглянула на Игоря, который был выше ее на полторы головы. Захотелось взять его под руку. Он уже надел свою шапку и темные лыжные очки. Она не выдержала и засмеялась:

– Роман бы так никогда не оделся.

– Роман не любил меня, – ответил Игорь, цепляя на шею огромные наушники.

– А кого он любил?

Игорь усадил ее в желтый «Ситроэн», протянул таксисту тысячу рублей.

– Отвезите прямо к подъезду.

– Отвезем, не волнуйтесь, – ответил седовласый таксист, стуча пальцем по дисплею навигатора, – только куда?

И прежде чем она открыла рот, чтобы назвать адрес, Игорь ушел.

Его сутулая спина мелькнула в людском потоке, и исчезла в сером хаосе подземного перехода.

Машина мягко тронулась, она поправила хозяйственную сумку на коленях и откинулась на спинку. Грязные торговые павильоны, с пьяницами и попрошайками, проплыли за окном.

Ей было уютно и приятно наблюдать за привычной картиной из окна такси, а не переполненной душной электрички.

Через сорок минут Ольга была дома. Она сразу отправилась в ванную, прихватив сумку с собой. Пока наполнялась ванна, она заглянула в нее, достала и осмотрела цветные пачки с игрушечными на вид голубыми купюрами и спрессованными пятитысячными, которые так часто видела, работая в магазине. Ничего кроме негативных эмоций, они не вызывали у нее прежде. Искать сдачу с пятитысячной купюры под конец рабочего дня, особенно, когда спешащие мужчины, покупающие только пиво и сигареты, протягивают их одну за другой – сомнительное удовольствие.

Она побросала пачки в сумку, скинула одежду и погрузилась в воду. В этот момент она ощутила первый, полноценный приступ эйфории.

«Как хорошо! – подумала она, – никакой работы, никого подъема в шесть утра. К черту!»

Выбравшись из ванны, она осмотрела свое стройное тело. Господь дал ей не слишком женственное лицо, но фигура ее была шикарна. Синяк на животе – последнее напоминание о Романе, уже почти сошел. Оставались едва заметные следы.

Она накинула халат и вернулась в свою комнату. Поначалу, Ольга пыталась придумать какой-нибудь план дальнейших действий, но эйфория увлекала ее, не давая сосредоточиться. Мысли разбегались, уносились в какие-то фантастические миры. То она видела себя на берегу песочного пляжа под пальмой с коктейлем, то идущей по городу среди небоскребов, то едущей по идеально гладкой дороге в кабриолете на фоне заснеженных гор и зеленых лугов. Впрочем, она ведь не умела водить машину.

Спустя час, ей, наконец, удалось взять себя в руки. Она села за стол, включила старый ноутбук и принялась разрабатывать план. Через сорок минут нехитрый план был готов, остались детали, но она оставила их на завтра. Ольга почувствовала, что голодна. Она достала из холодильника колбасу, соорудила два бутерброда, съела их, запив чаем и легла спать.

Сон, разумеется, не шел, несмотря на усталость. Снова накатили томительные мысли, затем за окном принялась усердно лаять собака. Ей надоело ворочаться. Она встала, включила ноутбук и долго рассматривала в интернете фотографии квартир и домов в разных странах мира. Сон сморил ее лишь, когда над помойкой за окном повис фиолетовый туман. Собака продолжала лаять, и кто-то в траве у оврага шуршал и тихо подвывал.

Ольга проснулась в девять, обнаружив тринадцать пропущенных вызовов от директора. Она зевнула, бросила взгляд на хозяйственную сумку, лежавшую возле кровати на стуле, и перезвонила, сообщив, что не выйдет сегодня на работу, из-за болезни матери. Матери, у нее не было, как и отца, впрочем, но откуда директору знать это. Она даже не дослушала его бубнящего голоса.

– Боже, какой противный голос, – сказала она, подхватывая сумку и отправляясь в ванную, – да подавись ты своей зарплатой.

Ольга отнеслась серьезно к совету Игоря и потому медлить не стала. После ванной, она собрала только самые необходимые вещи, упаковав их в старую сумку Романа. Забрала свои и его документы. Затем написала записку хозяйке, сочинив ту же историю про мать, оставила восемнадцать тысяч рублей за аренду и вызвала такси.

В ожидании, Ольга села у окна и смотрела, как по деревенской помойке ползает кот, плотоядно поглядывая на спящих воробьев, потом перевела взгляд на овраг и дальше – на лес. Затем достала телефон, вытащила сим-карту и вышла из дома. Подойдя к краю оврага, она посмотрела по сторонам, и бросила карточку в черневшую на дне лужу. Старый телефон «раскладушку» отправила на дно мусорного контейнера, затем вытащила из кармана зажигалку и подожгла паспорт Романа. Когда она вернулась, оранжевый «Шевроле круз» с толстым водителем уже поджидал ее.

– Не могу дозвониться! – пожаловался таксист, давя на руль пивным животом.

– Здесь связь не очень. – Сказала Ольга, – У меня только одна сумка.
Мужчина вышел и открыл багажник.

– Куда едем? – спросил он, как только она уселась на заднем сиденье.

– Площадь трех вокзалов.

«Ты не оригинальна», – прозвучал в голове голос единственной ее подруги Светки, до смерти избитой пьяным сожителем шесть лет назад.

«Всею свое время, Светик» – грустно улыбнулась Ольга, глядя в окно, за которым поплыл привычный подмосковный пейзаж.

Эпизод 21

Ехать домой не хотелось. Виктор представил желтый потолок, исчезающий в табачном дыму и чей-то протяжный вой, летавший над окрестностями последнюю неделю. Он вытащил из кармана листок и снова прочитал то, что знал уже наизусть: «Инфинити Ку Икс 80», С 500 ТА 199. В графе справа на этот раз значилось не имя, а название организации – ООО «Антрацит». Виктор почесал бороду и достал смартфон.

В интернете «Антрацит» упоминался лишь на сайте «Желтых страниц», датированной 2006 годом. Скучно сообщался юридический адрес, набранный шрифтом «Times New Roman» и ФИО генерального директора. Был и единственный телефон с устаревшим префиксом «095». Виктор набрал цифры, заменив 0 на 4, механический голос сообщил, что номер набран неправильно.

Генеральный директор – Габрелянов Николай Викторович. Никаких сведений интернет не содержал и по поводу этого имени, за исключением все тех же желтых страниц... Остался адрес. Ткацкая улица, дом восемнадцать, корпус четыре... Виктор набрал его на карте Google и узнал, что Ткацкая улица расположена в промзоне на востоке Москвы, недалеко от Измайловского парка. То есть, всего в часе езды без учета пятничных пробок...

В конце концов – что он теряет, кроме шанса на мучительную бессонницу? Дорога домой все равно пролегает через Восточный округ. Виктор посмотрел на часы, и на его глазах минутная стрелка шагнула в новый день.

Эпизод 22

Стук колес смешивался с неистовством симфонического оркестра. Игорь стоял неподвижно, глядя как знакомые черты пропадают во мраке. Постоянное напряжение имело свои плюсы: стало проще держать спину ровно – это не только увеличивало рост, но и придавало уверенности. Последнее стало для него открытием. Игорь поправил наушники и провел рукой по волосам. Они уже начали отрастать. Неделю назад, он отправился бы в парикмахерскую, но не теперь. Теперь он станет похожим на одного из тех хипстеров, которых ненавидел Вадим.

У соседней двери пьяный мужчина, бодая лбом надпись «Не прислоняться», выкрикивал одну и ту же фразу: «Не могу-не могу-не могу!».

Игорь думал о последнем пути. Тридцать часов гонки завершились падением, на память о котором сохранился шрам ниже колена. В ту ночь, когда он избежал полицейской ловушки у автовокзала, ему предстояло пройти еще десять километров, пока обессиленное тело не рухнуло в кусты у железной дороги. Несмотря полсотни электричек и поездов, проехавших в трех метрах от его головы, Игорь находился в беспамятстве больше шести часов. И лишь когда солнце раскалило землю, он очнулся, встал и, преодолевая боль, добрал до платформы под названием «Плюшево».

Игорь снова и снова вспоминал события того дня, поражаясь удаче, что уберегла от беды.

Пьяный мужчина перестал биться о стекло. Теперь он шел по вагону, цепляясь за поручни, словно гигантское членистоногое. Игорь продолжал смотреть на собственное отражение, сознание его блуждало, в голове очередную волну нагонял оркестр, исполнявший трек из какого-то блокбастера.

– Ненавижу! – вместе с криком, пробился тяжелый алкогольный дух. Игорь перевел взгляд на распухшее лицо и кривой треснутый рот.

– Ненавижу!!! – закричал рот и втянул повисшую слюну. Обезумевшие пьяные глаза пытались выплеснуть что-то яростное, но уткнувшись во взгляд Игоря, стали вращаться, как у бешеной собаки. Пьяный быстро отвернулся и побрел в конец вагона, продолжая подвывать. Поезд вынырнул из тоннеля, завизжали тормозные колодки. Игорь вышел на станцию «Авиамоторная». Пронзительный крик разбегался под анфиладой причудливого позолоченного потолка.

Поднявшись по эскалатору, он прошел по длинному переходу и вышел в душный августовский вечер. Справа в широких витринах серой «сталинки» топорщились макеты исполинских тетрадей, книжек и циркулей. Их сменила арка. Игорь, неторопливо глянув на часы, вернулся за угол желто-красного дома, и через пять минут спустился к железнодорожной платформе. Переполненная электричка подъехала через пять минут. Не покидая прокуренного тамбура, он доехал до станции «Малаховка» и взял такси.

Первый смутный сигнал появился, когда машина свернула на проселочную щебенку. Игорь немедленно остановил такси и дальше отправился пешком вдоль забора, пытаясь идентифицировать пойманный сигнал. Спустя десять минут, он остановился у ворот дачного поселка. В конце широкой дороги, идущей от главного входа, маячил трехэтажный коттедж, в мансарде которого он снимал десятиметровую комнату с отдельным туалетом и душевой кабиной. Все окна были черны, кроме одного, на первом этаже, где жила таджикская семья. Никаких машин, никаких людей, никаких визуальных признаков, но... Что-то было не так.

Может быть, это просто навязчивая идея, ставшая фобией, которая отныне преследует его всегда, в виде расплаты за то, что он получил? Может быть, такой сомнительный «дар» получают все, кто оказывается в бегах? А может, все дело в этой неестественной тишине? Он посмотрел на квадратное окно под самой крышей. Да, возможно в его голове есть место и паранойе, и страху и даже помешательству на почве пережитого стресса. Ручка стеклопакета, повернутая вправо, занозой царапнула взгляд и если бы не паранойя, если бы не его навязчивая мания, над которой смеялся Вадим – всегда закрывать окна, покидая квартиру, то возможно, он бы не знал, что в закрытом положении эта проклятая ручка должна оставаться невидимой.

«Ты слишком много думаешь!» – разразился в голове прокуренный голос, развеяв остатки сомнений. Словно получив пощечину, Игорь «ожил», развернулся и торопливо зашагал к «щебенке», прислушиваясь к нарастающим ударам сердца. Он ругал себя за то, что проигнорировал первый сигнал. Слишком много ошибок он допускает – ради чего? Почему, он все еще здесь, черт возьми? Почему не в каком-нибудь Витебске, Гданьске или хотя бы в Ростове, в ожидании парома? За забором, отделявшим коттедж, выстроенным в духе французского шале, глухо рыча, бесновалась московская сторожевая.

Игорь вышел на дорогу. Навстречу медленно двигался «Ниссан» с выключенными фарами. За спиной – хруст гравия... Бежать... Но куда? Здесь негде укрыться, почти нет леса – кругом заборы, и к тому же... к тому же...

Его обогнала «Тойота» и, встретившись с «Ниссаном», поехала дальше. Игорь впился взглядом в багажник «Тойоты». Напряжение и тягостное ожидание не отпускало, пока он не вышел на асфальтированную дорогу.

Добравшись до станции, Игорь узнал, что ближайшая электричка до Москвы будет только утром. Он взял такси и вернулся в столицу, не имея ни малейшего понятия, что теперь

делать. У закрытого Макдональдса недалеко от станции «Новогиреево», он присел на скамейку и достал сигарету.

Эпизод 23

Ткацкая улица тянулась от Измайловского вала почти до самого парка. С обочин тесняемая пыльными фасадами старинных построек и заборов, за которыми темнели вершины мертвых корпусов старого советского завода «Салют». Кое-где переоборудованные под склады и бизнес-центры класса «С», но чаще заброшенные – с провалами окон, поросшие мхом, испещренные трещинами.

Виктор припарковался на небольшой стоянке перед магазином «Аквагармония», судя по конструкции бывшем когда-то массивным двухэтажным заводским КПП. Сняв с подставки навигатор, и, сунув его в карман, он отправился по безлюдной улице в сторону парка.

Восемнадцатый дом оказался трехэтажной постройкой из красного кирпича с высокими окнами и примитивной архитектурой в виде декоративных карнизов и фронтона с горизонтальными выступами, благодаря которым дом казался выше. Из окон третьего этажа, лишенных стекол и рам, струился мрачный свет фонарей соседней улицы.

Между первым и вторым этажами, под полукруглым козырьком размещалась одинокая лаконичная вывеска – «Столовая». Под ней старая металлическая дверь, без крыльца и ступенек – первый этаж сливался с уровнем земли, об этом можно было судить и по низко расположенным окнам первого этажа. Виктор заглядывал в них, но все окна были заколочены изнутри. Снаружи их закрывала мелкая сетка-рабица. Первый этаж, возможно, использовался под какой-то склад или что-то вроде того. Слева к строению примыкала одноэтажная постройка втрое меньшей площади, выстроенная в той же стилистике.

Виктор попытался обойти здание, но обнаружил, что стены его сливаются с навьюченным колючей проволокой забором, уходящим в необозримую даль. На главном фасаде, помимо двери в «Столовую», размещалась еще одна, покрытая пылью и паутиной дверь с желтой вывеской и надписью на ней: «Цех №3».

Побродив около здания, Виктор вышел на пустынный тротуар и задумался. Делать тут решительно нечего – дом заброшен, наверняка еще со времен девяностых, да и раньше, судя по зияющим внутри пространствам, был, очевидно, промышленным корпусом, ничего общего не имевшим с каким-то действующим ООО. Все говорило о подставном адресе, что с одной стороны давало какую-то смутную надежду, а с другой – сулило новые трудности. Он посмотрел на часы. Час ночи. Дорога до дома займет часа два. Учитывая тяжелый день, есть шанс уснуть быстро...

– Подсказать чего?

Виктор вздрогнул от неожиданности и повернул голову. В пяти метрах, прямо под вывеской «Столовая» курил невысокий щуплый человек. Тень от козырька скрывала верхнюю часть его тела. Виктор видел лишь рабочие брюки и вспыхивающий огонек.

– Антрацит здесь? – спросил Виктор.

– Антрацит? – отозвался мужичок.

– Знаете такую контору?

Маленький человек ответил не сразу – пару раз вспыхнул огонек, прежде чем он сказал:

– Знаю.... Иди сюда.

Лицо его оказалось широким, несмотря на худощавое сложение, с оттопыренными ушами, изрезанное сеткой глубоких морщин. Между тем выглядел он приветливым, вполне безобидным, напоминая заводского рабочего, вроде тех, что ранним утром спешат к заводским проходным, а в пять вечера уже заполняют пригородные электрички.

– Здесь «Антрацит». Зачем он тебе?

Мужичок хмыкнул, и Виктор решил говорить правду, поскольку никакой особенной стратегии или легенды на этот счет не готовил.

– Мне нужен не «Антрацит», по правде говоря, а одна из машин, которая за ним числится.

– Каких машин? – насторожился мужичок.

Виктор с сомнением посмотрел на него и перевел взгляд на грязную стену.

– «Антрацит» точно здесь?

– Антрацит-то здесь, – ответил мужичок, сплюнув под ноги, – вот только что за машины ты ищешь – не понимаю.

– Чем вообще занимается эта контора?

Мужичок внимательно оглядел Виктора.

– Ты сам-то кто вообще, друг?

– Страховой агент, – ответил Виктор.

– Понятно, – вяло отреагировал «заводской слесарь». В мелькнувшем свете фар проезжавшей машины, Виктор увидел его лицо. Мужичок смотрел под ноги.

– Мне надо поговорить с водителем.

– Зачем?

– По поводу страхового случая.

– В час ночи?

– Страховые работают круглосуточно.

– Ты бы, друг, в понедельник приехал, а лучше позвонил, когда руководство будет, – сказал маленький человек, выбрасывая сигарету.

«Надо ехать домой», – мелькнула мысль.

– Пожалуй, так и сделаю, – согласился Виктор, – только один вопрос, если можно...

– Ну?

– Чем все-таки занимается «Антрацит»?

Мужичок замер в дверном проеме, задумавшись.

– Какую говоришь, машину ты ищешь?

– Инфинити, номер пятьсот...

– Зайди-ка.

– Зачем? – удивился Виктор.

– Зайди, посмотрим твою машину.

– Так она все-таки есть?

– Кто ж его знает, – отозвался мужичок. Мрак за дверью скрывал его лицо, – у нас тут целый гараж... Могу посмотреть, за кем числится.

Виктор вошел. Сразу за дверью оказался чрезвычайно длинный и узкий коридор, чем-то напоминавший смотровую яму в гараже. Виктору показалась странной такая планировка – без прихожей и тамбура – сразу коридор. Стены его были облицованы грязной кафельной плиткой, лампы мерцали тускло, да и то лишь где-то в конце, пахло машинным маслом и сыростью.

Мужичок двигался шустро, и коридор вскоре нырнул в лестницу, они оказались в большом круглом помещении примерно на метр-полтора ниже уровня земли. Ближнюю к Виктору стену с рядом дверей покрывал слой потрескавшейся фиолетовой краски. Противоположная стена пропадала во мраке, оттуда сильно несло сыростью, Виктор напряг зрение, увидел очертания бордюра и металлической лестницы и понял, что там находится бассейн. Где-то еще ниже слышался странный механический гул, а чуть ближе – судя по всему за одной из дверей – приглушенный мужской голос.

Мужичок подошел к одной из дверей, толкнул ее и кивком пригласил войти.

Комната без окон походила на большое подсобное помещение: стены выкрашены синей краской до уровня среднего человеческого роста. Посреди помещения размещался огромный верстак, заваленный автомобильными деталями. Среди обилия предметов, Виктор не сразу

разглядел человека. Маленькая голова склонилась над верстаком, остальное тело скрывала гора хлама. Голова улыбалась и что-то тихо говорила себе под нос, временами оборачиваясь в сторону открытой двери, ведущей в примыкавшее помещение – там, похоже, находился еще кто-то. Заметив Виктора, змеиная голова с непропорционально развитой мускулистой шеей поднялась и с улыбкой уставилась на Виктора, крохотные глазки сверкнули черным блеском.

– О-о, – протянула голова дружелюбно, словно Виктор был старым добрым знакомым, – кого я вижу, заходи!

Виктор даже оглянулся, заподозрив, что обращаются не к нему.

– Заходи-заходи, – повторил обладатель маленькой головы, вставая. Виктор с удивлением обнаружил, что дружелюбный незнакомец, оказался невероятно высок ростом и широк в плечах. Он был в коротких шортах, с голым торсом и походил на профессионального легкоатлета. Мелкоголовый развел жилистые руки-плети в стороны, словно собирался обнять Виктора. Чрезвычайно развитое вытянутое тело вкупе с крошечной головой вызывало ассоциации с диплодоком.

– Парень машину ищет, – прокомментировал мужичок, открывая дверцу одного из шкафов у стены.

– Конечно-конечно, – кивнул диплодок, изобразив на лице участие.

Виктор заглянул в маленькое лицо и обнаружил, что крохотные близко посаженные глаза его слегка подрагивают. Он узнал этот симптом.

– Присаживайся, – сказал диплодок, вытянув длинную руку в сторону табуретки

Виктор не двинулся. Теперь он узнал и странный запах. Бросив взгляд, туда, где сидел диплодок, он увидел сплюснутую пластиковую бутылку, горлышко, которой было прикрыто фольгой. Диплодок заметил, куда посмотрел Виктор и изобразил на лице смущение – слишком нарочито изобразил, как успел отметить Виктор.

– Да мы тут... балуемся, – произнес он с наигранной улыбкой, – слегка. Присоединись?

– В другой раз, – ответил Виктор, скривив рот в попытке улыбнуться.

Из соседнего помещения раздался короткий как будто приглушенный чем-то стон. Диплодок метнул нахмуренный взгляд в сторону распахнутой двери и, повернувшись к Виктору тотчас улыбнулся.

Виктор не оборачиваясь, наощупь положил ладонь на дверную ручку и потянул вниз.

– Подожди-подожди! – диплодок с невероятным проворством подскочил и стукнул по двери, захлопнув ее, – так что там с машиной? Может, кофе?

– Нет, спасибо. Ничего важного. Позвоню в понедельник.

– Чай?

– Нет, мне пора.

Виктор снова открыл дверь, но диплодок схватил его плечо цепкой, как механизм, ладонью, и с какой-то нечеловеческой, лошадиной силой вытолкнул в центр комнаты. Виктор ударился о край верстака.

– Да ты не спеши, – сказал диплодок, проявляя участие, – сядь.

Виктор согнулся пополам и сел на табурет, пристально глядя на мелкоголового. Рука его потянулась к карману, однако достать нож он не успел – возникший за спиной мужичок ударил ладонями по ушам – так, что Виктор потерял все из виду и свалился на пол. Нечеловеческая сила впрочем, быстро его поставила на ноги. Виктор увидел собственный нож в жилистой руке.

– Ого, – сказал диплодок одобрительно, – серьезная игрушка, а что там еще есть? Посмотри, – кивнул он мужичку.

Мужичок достал все предметы из карманов Виктора и разложил на краю верстака: памятную фотографию, навигатор, ключи от машины, почтовую квитанцию, бумажник.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.